

СБОРЩИЦА КЛЯТВ БИБЛИОТЕКИ МОЛЧАЛИВЫХ ИМЁН

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Сборщица клятв библиотеки молчаливых имён

<https://litres.ru/74413947>

SelfPub; 2026

Аннотация

В дождливом Лиоре нарушенные клятвы превращаются в чёрный воск и питают городские фонари. Сборщица Мила Ровен умеет извлекать это топливо, но каждая такая работа стирает у человека точную причину обещания. Когда горожане начинают забывать поступки её сестры, след приводит Милу в библиотеку молчаливых имён, где чужими судьбами годами расплачивались за удобный порядок.

Остановить торговлю помогает изгнанный библиотекарь Арон Вейль — тот, кто в детстве украл истинное имя Милы и спас её жизнь без её согласия. Чтобы вернуть людям право на собственную историю, Миле придётся отказаться от власти спасать других любой ценой и разрушить единственную нерушимую клятву. Атмосферное романтическое фэнтези о памяти, ответственности и доверии, которое не требует обещаний навсегда.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Клятва в водостоке	6
Глава 2. Поступок, которого не было	20
Глава 3. Изгнанник у закрытой двери	36
Глава 4. Три чаши	52
Глава 5. Каталожная карточка без владельца	73
Глава 6. Фонарь из чужой причины	84
Глава 7. Цена спасения	93
Глава 8. Архив дождевых долгов	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Мара Светланова Сборщица клятв библиотеки молчаливых имён

От автора

Обещание принято считать мерой надёжности человека. Но у обещаний есть и другая сторона: иногда мы продолжаем исполнять их после того, как изменились обстоятельства, цена и сами люди. Тогда верность может незаметно превратиться в тюрьму, а забота — в право решать за другого.

Эта история родилась из вопроса: кому принадлежат наши слова после того, как они произнесены? В Лиоре нарушенные клятвы буквально освещают улицы, а имена хранятся в книгах, способных менять судьбу. Магия делает видимой цену, которая в обычной жизни часто остаётся скрытой: потерю причины, памяти, авторства собственного выбора.

Роман лучше читать по порядку. Каталогные записи между отдельными главами не являются справками извне — они принадлежат миру книги и постепенно открывают, кто и за чем превращал человеческие судьбы в управляемый фонд.

В центре сюжета не безупречность, а ответственность: возможность назвать причинённый вред, изменить правило и заново спросить согласие. Надежда здесь начинается не с вечного обещания, а с права пересмотреть его вместе.

Глава 1. Клятва в водостоке

Клятва застряла под решёткой водостока и дышала.

На вдохе чёрный воск раздувался между прутьями, на выдохе опадал, выпуская тонкую струйку сизого пара. Дождь хлестал по мостовой, вода несла к решётке листья, нитки, рыбью чешую с утреннего рынка, но, коснувшись воска, огибала его, будто даже сточная канава знала: чужое обещание лучше не тревожить без свидетеля.

Мила Ровен поставила медный чемоданчик на сухой островок под аркой и посмотрела на мужчину, который вызвал сборщицу.

— Вы уверены, что узел ваш?

— А чей же ещё? — Он стоял в двух шагах от неё, прижав к груди пустую корзину. Вода стекала с полей его серой шляпы. — Вчера ничего не было. Сегодня вышел открывать лавку — оно там.

— Я спросила не о водостоке.

Мужчина отвёл глаза к погасшему фонарю. На бронзовой табличке над дверью значилось: «Эннел Лис. Хлеб и соль». Сам он назвался Эннелом Лисом и трижды повторил, что никогда не давал обещаний, которые не собирался исполнять. Обычно так говорили люди, уже почувствовавшие пустоту на месте узла.

Мила раскрыла чемоданчик. В крышке были закреплены

три стеклянные чаши: для пробы, для безопасного остатка и для того, что следовало передать дознавателю. Под ними лежали серебряная петля, щипцы, мел, карточки согласия и маленький пузырёк с горьким маслом полыни.

— Покажите запястья.

— Зачем?

— Нарушенная клятва выходит там, где телу проще от неё избавиться. Иногда через кожу. Иногда через дыхание. Иногда человек находит её в собственном башмаке и неделю обвиняет сапожника. Запястья.

Эннел нехотя протянул руки. На левой, под манжетой, белел круглый след размером с монету. Кожа вокруг была гладкой, без воспаления. Узел вышел чисто.

— Я ничего не чувствовал.

— Это бывает.

Мила не сказала, что чаще человек чувствовал всё: жар, ломоту, внезапную тошноту, а потом облегчение, похожее на освобождение от долга. Эннелу и без того хотелось считать случившееся чужой проделкой.

Она протянула ему карточку.

— Прочитайте вслух. Если согласны — подпишите полным бытовым именем. Истинного имени не требуется.

— Я читать умею.

— Тогда прочитайте.

Он прочёл, проглатывая окончания: разрешаю извлечь остаток нарушенной клятвы; понимаю, что после сбора мо-

гу утратить точное воспоминание о причине, по которой дал обещание; факт обещания и ответственность за его нарушение сохраняются. На последней строке задержался.

— Что значит «точное воспоминание»?

— Вы будете знать, что обещали. Будете знать кому. Возможно, вспомните слова. Но почему это было важно именно тогда — может исчезнуть.

— А если уже исчезло?

— Значит, воск кто-то трогал до меня.

Эннел взглянул на решётку. Клятва снова вздохнула.

— Уберите её.

— Сначала подпись.

Он прижал карточку к крышке чемоданчика и вывел имя. Мила посыпала край воска мелом. Белая пыль сразу пожелтела. Внутри клятвы было тепло, хотя по календарю фонарные дома должны были принимать только остывший сбор: сырой воск горел ярче, но вытягивал воспоминание слишком быстро.

— Отойдите под арку, господин Лис. Если услышите собственный голос из водостока, не отвечайте.

— Это шутка?

— Нет.

Он отступил.

Мила смазала петлю полынным маслом и опустилась на колено. Холодная вода тут же пропитала ткань брюк. Она просунула петлю между прутьями, обвела восковой ком и за-

тянула не на нём, а вокруг пустого пространства. Нарушенные клятвы не терпели захвата. Их можно было лишь убедить, что путь наружу ещё существует.

Воск дрогнул и заговорил голосом Эннела:

— До первого снега, слышишь? Я сам починю крышу.

Из-под арки донёсся сдавленный звук. Мила не обернулась.

— Не отвечайте.

— Но я...

— Молчите.

Воск рванулся к воде. Серебряная петля удержала границу, и Мила медленно повела её вверх. Чёрная масса вытянулась тонкой лентой, прошла сквозь решётку и собралась над второй чашей. От неё пахло мокрой золой и яблочной кожурой.

Так пахли домашние обещания — те, которые давали не при свидетелях и не перед конторским столом, а на кухне, в спальне, на лестнице. Они редко приносили много топлива. Зато забирали самое дорогое объяснение.

— Кому вы обещали починить крышу? — спросила Мила.

— Жене, должно быть. Кому ещё?

— Как её зовут?

— Лея.

— Почему до первого снега?

Эннел открыл рот и замер. За его лицом будто закрыли ставню.

— Потому что... крыша текла.

— Она и сейчас течёт?

— Не знаю.

— Вы живёте над лавкой?

— Жил. Раньше.

— А Лея?

Он рассердился не на Милу — на пустое место, которое обнаружил в себе.

— При чём здесь это? Я вызвал вас убрать дрянь, а не разбирать мой брак.

— При том, что сбор уже начался до моего приезда.

Последний отросток воска выскользнул из водостока. На его нижней стороне блеснуло что-то золотое. Мила замерла, удерживая чашу на весу.

В обычной клятве могли застрять пыль, волос, кусочек ткани. Золото не прилипало к воску: металл считался веществом договора и отталкивал остаток нарушенного слова. Но этот знак был не внутри — его вдавили намеренно.

Мила повернула чашу к свету.

На чёрной поверхности проступал прямоугольник с закруглёнными углами. В центре — раскрытая книга. Над ней — закрытый глаз.

Библиотечная печать.

Она видела её лишь однажды, на отказе выдать сведения о собственном имени. Тогда служащая за высоким окном прижала штамп к бумаге и не подняла глаз. Книги молча-

ливых имён не покидали библиотеку, печати не ставили на топливные партии, а библиотекари не работали с нарушенными клятвами. Так утверждали три городских устава и все чиновники, которым Мила когда-либо задавала вопрос.

— Вы ходили вчера в библиотеку?

Эннел побледнел.

— Я туда не хожу.

— Почему?

— Потому что нормальным людям там делать нечего.

Слишком быстрый ответ.

Мила поставила чашу в гнездо для дознавателя и закрыла стеклянной крышкой. Воск ударился о неё один раз, глухо, словно кулак о дверь.

— Кто нашёл клятву первым?

— Фонарщик. Он пришёл до рассвета. Сказал, засор мешает стоку.

— Он касался воска?

— Крючком поддел. Совсем немного. Потом увидел, что это, и велел вызвать «Три чаши».

Мила посмотрела на фонарь. Дождь смывал копоть с его гранёных стёкол. Внутри не было ни фитиля, ни восковой таблетки — лишь свежие царапины на медном лотке.

— Почему фонарь погас?

— Откуда мне знать? — Эннел обернулся к нему. — Всю ночь горел. Я ещё удивился: обычно к утру меркнет.

— Каким цветом?

— Жёлтым. Потом, кажется, синим.

Клятвенный воск горел синим только в первые минуты после извлечения. Значит, кто-то собрал часть узла, сжёг её в фонаре и бросил остаток под решётку. Не ради тепла: одной домашней клятвы хватило бы разве что согреть чайник. Ради того, что исчезало вместе с горением.

— Что вы помните о Лее? — спросила Мила.

— Я не обязан...

— Не мне. Себе. Где она сейчас?

Он сжал пустую корзину так, что прутья хрустнули.

— У сестры на Верхней улице. Мы поссорились весной.

— Из-за крыши?

— Не знаю.

— Вы обещали починить её до первого снега. Снег был четыре месяца назад.

— Я умею считать.

— Тогда почему клятва вышла только сегодня?

Гнев на его лице сменился страхом. Нарушенная клятва обычно покидала тело в течение суток после того, как исполнение становилось невозможным. Если узел оставался внутри месяцами, его держало другое обязательство — или чужая рука.

Из конца улицы донёсся металлический звон. К ним приближался фонарщик в синем непромокаемом плаще. Тележка за ним подпрыгивала на камнях; на борту белела эмблема городского управления — башня, окружённая семью лу-

чами.

— Вот он, — шепнул Эннел.

Фонарщик заметил Милу, затем чашу, и замедлил шаг. Он был молод, веснушки проступали даже сквозь дождевую серость. На поясе висел служебный крюк. Кончик его был покрыт золотистым налётом.

— Уже управились? — спросил он.

— Почти. Покажите наряд на этот фонарь.

— А вы из надзора?

Мила раскрыла кожаный футляр с лицензией.

— Кооператив «Три чаши». Сборщица второй степени. При обнаружении вмешательства в узел я обязана установить цепь касаний.

— Я только решётку проверил.

— Крючком?

— Крючком.

— Дайте взглянуть.

Фонарщик накрыл рукоять ладонью.

— Инструмент управления нельзя передавать посторонним.

— Тогда держите сами.

— Мне велено заменить лоток и идти дальше.

— Кем велено?

Он посмотрел на Эннела, словно надеялся, что лавочник вмешается. Тот молчал.

— Наряд в тележке, — наконец сказал фонарщик.

Пока он развязывал промокшие ремни, Мила сняла щипцами крупицу золотого налёта с крюка. Та упала в пробную чашу. Прикоснувшись к капле полынного масла, крупица развернулась тончайшей плёнкой. На ней повторился закрытый глаз.

Фонарщик выпрямился слишком резко.

— Это не моё.

— Я и не спрашивала, ваше ли.

— Крючки выдают утром. Какой достался, таким и работаю.

— Где?

— В третьем депо.

— Кто выдал этот?

— Кладовщица.

— Имя?

— Сана Гро.

Мила записала. Чернила расплывались на карточке, и ей пришлось прикрывать строку ладонью.

Наряд оказался напечатан на плотной бумаге фонарного управления. Адрес лавки был вписан заранее, время проверки — за час до обычного обхода. В графе причины стояло: «ожидаемый выброс топлива». Не обнаруженный. Ожидаемый.

— Кто составляет такие наряды?

— Распределительный отдел.

— Почему управление знало, что здесь выйдет клятва?

— Не знало. Наверное, жалоба была.

— Господин Лис никому не жаловался.

— Значит, сосед.

— На клятву, которая ещё находилась в теле?

Фонарщик опустил глаза. Мила видела, как он принимает решение: солгать ещё раз или признаться в малом, чтобы скрыть большое.

— Нам иногда дают адреса заранее, — сказал он. — В последнее время. Велят не задавать вопросов. Если узел вышел — часть положить в лоток, остаток оставить на виду и вызвать сборщиков.

Эннел шагнул к нему.

— Вы жгли мою память?

— Я ничего у вас не брал!

— Вы только что сказали...

— Отойдите, — приказала Мила.

Она встала между ними, не касаясь ни одного. Эннел тяжело дышал. На его левом запястье след от узла начал краснеть.

— Господин Лис, факт остаётся: вы дали обещание Лее и не исполнили его. Но кто-то ускорил выход клятвы и сжёг часть без вашего согласия. Это два разных вреда. Не позволяйте одному спрятать другой.

Он посмотрел на неё с ненавистью человека, которому вернули ответственность в минуту, когда он почти нашёл удобного виновного.

— Легко вам говорить.

— Нет, — сказала Мила. — Поэтому и говорю точно.

Она выдала ему коричневую карточку послесборной помощи с адресом конторы памяти и велела не принимать сегодня решений о семье, деньгах и переезде. Затем повернулась к фонарщику.

— Вы подпишете запись о цепи касаний и отдадите мне копию наряда.

— Начальство меня выгонит.

— Если не подпишете, я передам чашу инспектору с пометкой о сокрытии.

— А если подпишу?

— Передам без неё.

Он долго смотрел на библиотечный знак, проступивший в масле, и подписал.

Когда тележка скрылась за дождевой пеленой, Эннел остался под аркой. Он вертел в пальцах карточку помощи.

— Я помню, как обещал, — сказал он. — Мы стояли наверху. В комнате были тазы. Лея смеялась, потому что вода капала точно мне за ворот. Но я не помню, почему не починил.

— Эту причину мог забрать сбор. Или горение.

— Если причины нет, я всё равно виноват?

Мила закрыла чемоданчик.

— Память не отменяет последствий. Но без причины труднее исправить то, что повторится. Поэтому воск нельзя

жечь до сопровождения.

— А его жгут в каждом фонаре.

— После выдержки. Когда человек успел записать причину, поговорить со свидетелями и решить, согласен ли отдать остаток.

Эннел взглянул на тёмное стекло над дверью.

— Я ничего не записывал.

— Значит, кто-то решил за вас.

Эта фраза осталась между ними тяжелее дождя.

В конторе «Трёх чаш» пахло железом, сушёной мятой и мокрой шерстью. У входа стояли три каменные чаши — старые, щербатые, никогда не использовавшиеся для настоящего сбора. Иста говорила, что символ должен напоминать не о товаре, а о разделении власти: одна чаша сборщице, одна клиенту, одна свидетелю.

Мила пришла первой. Она зажгла обычную масляную лампу, заперла дверь на два оборота и установила чашу с клятвой под вытяжным колпаком. Библиотечная печать теперь была видна полностью.

Под закрытым глазом обнаружилась строка мелких цифр.

Мила переписала их на карточку и достала из шкафа справочник городских ведомств. Номер не значился среди разрешённых библиотечных штампов. Зато первые две цифры совпадали с кодом распределительного отдела фонарного управления.

Она перечитала наряд. «Ожидаемый выброс топлива».

На стене висела карта Лиора с отмеченными заявками за месяц. Мила приколотла карточку над улицей Эннела. Потом вспомнила утренние вызовы последних недель: воск у школы на Канатной, узел в прачечной возле Южного шлюза, чёрная лента под дверью судебного писца. Все остатки казались необычно тёплыми. Все ближайшие фонари горели дольше положенного.

Она переставила три старые булавки с поля карты прямо на адреса.

Получилась линия, ведущая через бедные кварталы к холму Городской библиотеки.

За окнами один за другим зажигались фонари. Жёлтые, как требовал устав. На миг свет ближайшего стал синим.

Мила подошла к стеклу.

На другой стороне улицы стоял человек без зонта. Высокий, в тёмном пальто, он смотрел не на контору, а на фонарь. Когда синий огонь погас, человек повернул голову, и Мила увидела знакомый излом брови.

Она не встречала Арона Вейля двадцать пять лет.

Но узнала сразу.

Он поднял ладонь, будто хотел постучать через дождь, потом указал на закрытый чемоданчик и медленно провёл пальцем поперёк горла — не угроза, а старый библиотечный знак: имя услышано, говорить нельзя.

Мила рванула дверь.

На улице уже никого не было.

Только вода бежала к решётке, а из фонаря пахло яблочной кожурой.

Глава 2. Поступок, которого не было

Тала умела возвращать буквам достоинство.

Она не делала их новыми. Новизна была дешёвой уловкой: снять старую вывеску, закрасить трещины, написать поверх гладкие слова, будто до них никто не входил в эту дверь и не ждал под навесом окончания дождя. Тала сохраняла потёртость там, где к доске годами прикасались ладонями, оставляла едва заметные следы прежнего цвета и выправляла только то, что мешало имени быть прочитанным.

Утром она стояла на лесах над входом в приют «Дом северного окна» и тонкой кистью выводила последнюю золотую черту в букве «м». Дождь на время отступил, но воздух был полон мелкой водяной пыли. Под навесом собрались воспитательницы, две бывшие воспитанницы и распорядитель квартала с красной лентой на воротнике. На столе остывал праздничный пирог.

Мила держала лестницу, хотя та была закреплена четырьмя скобами и пережила бы небольшой ураган.

— Если ты продолжишь на неё давить, — сказала Тала сверху, — она решит, что обязана упасть из вежливости.

— Я не давлю.

— Ты держишь дерево так, словно оно задолжало тебе

признание.

Мила убрала одну руку. Вторую оставила.

Она почти не спала. Синий огонь, библиотечная печать и поднятая ладонь Арона всю ночь сменяли друг друга перед глазами. Она составила три заявления — в фонарное управление, надзор за сбором и городскую библиотеку — и ни одного не отправила. Заявление превращало находку в официальный факт. Официальный факт попадал к людям, которые заранее знали адрес, где выйдет клятва.

Сначала следовало поговорить с Истой и Соль. Потом — проверить наряды. И только потом решать, кому можно доверить чашу.

У Талы сегодня было открытие вывески. Это событие существовало независимо от чужих печатей и человека из прошлого. Мила пришла ради сестры и пообещала себе не превращать каждое мгновение в продолжение расследования.

— Готово, — сказала Тала.

Она отодвинулась на лесах. Золотые буквы проступили на тёмно-синей доске, не яркие, а тёплые, будто солнце задержалось в древесных волокнах. Между словами Тала восстановила маленькое окно с семью лучами. Под слоями поздней краски сохранился только один, но она нашла первоначальный рисунок в квартальных книгах и две недели смешивала пигмент из бронзовой пыли, желтка и масла дождевого льна.

Одна из бывших воспитанниц — седая женщина в зелёной шали — прижала пальцы к губам.

— Таким оно и было, — прошептала она. — Когда меня сюда привели.

Тала спустилась, вытирая кисть о тряпицу. На её щеке остался мазок синего.

— Не совсем таким, госпожа Лорн. Нижняя доска была утрачена. Я сделала вставку заметной при близком осмотре.

— Зачем заметной? — вмешался распорядитель. — Можно было скрыть шов.

— Можно. Но тогда вывеска солгала бы о том, что пережила.

Он улыбнулся с терпением человека, которому ремесленница сказала что-то милое и необязательное.

— Главное, теперь она снова украшает улицу.

Заведующая приютом позвала всех к столу. Она произнесла речь о городском пожертвовании, о распорядителе, который добился средств, о мастерах прежних поколений. Тала стояла в стороне, сворачивая защитную ткань. Её имя не прозвучало.

Мила ждала. Возможно, заведующая оставила благодарность напоследок. Возможно, распорядитель сам представит реставраторшу. Возможно, людям просто требовалось время увидеть стоящего рядом человека.

Заведующая подняла нож над пирогом.

— За тех, кто сохраняет память Лиора!

— За память! — ответили гости.

Тала коротко взглянула на Милу. Не сердито — преду-

преждающе.

Мила всё равно спросила:

— А кто восстановил вывеску?

Заведующая замерла с ножом в руке.

— Простите?

— Вы благодарите тех, кто сохраняет память. Кто работал на лесах последние двенадцать дней?

Распорядитель нахмурился.

— Подряд был оплачен из квартальной казны.

— Я спросила не о деньгах.

Седая госпожа Лорн повернулась к Тале. В её лице возникло мучительное усилие.

— Девушка помогала... Она из мастерской?

— Я Тала Ровен, — сказала Тала спокойно. — Реставратор вывесок. Мы с вами вчера выбирали, какой след старого золота оставить в лучах.

— Конечно. — Женщина просияла с облегчением. — Конечно, милая. Как же я сразу не...

Она осеклась.

Тала развязала фартук и повесила его на перекладину. В кармане звякнули шпатели.

— Госпожа Эстен, — обратилась она к заведующей, — у вас должен быть акт приёмки. Достаньте, пожалуйста.

— Сейчас праздник. Бумаги можно подписать после.

— Достаньте.

Мягкость исчезла из её голоса не потому, что она повы-

сила его. Напротив, каждое слово стало тише и точнее.

Заведующая послала помощницу в дом. Пока та ходила, Мила осмотрела вывеску. Под нижним краем доски темнели три капли, похожие на смолу. Воск нарушенной клятвы собирался узлами и нитями; эти капли были слишком ровными. Мила коснулась одной ногтем. Холодная. Обычный защитный лак.

Она почувствовала разочарование и устыдилась его. Нельзя желать, чтобы возле каждой несправедливости обнаруживалась улика.

Помощница принесла папку. Заведующая раскрыла акт на столе, отодвинув пирог.

— Вот. «Работы выполнены в полном объёме...» Всё правильно.

— Последняя страница, — сказала Тала.

На последней странице стояли подписи казначея и распорядителя. Строка исполнителя была пуста.

— Я подписывала промежуточные листы, — сказала Тала.

Распорядитель перелистал папку.

— Здесь нет вашего имени.

— Именно.

— Вероятно, подряд выполняла городская мастерская.

— У городской мастерской нет допуска к старому золотому составу. Его получила я. Вы сами скрепили разрешение красным шнуром.

Распорядитель коснулся ленты на воротнике, словно про-

веряя, не обвиняют ли её тоже.

— Не помню.

Тала посмотрела на вывеску. На краю буквы «с» находился её знак — крошечная незамкнутая окружность, которую заказчик просил ставить на всех восстановленных досках. Знак был на месте.

— Госпожа Эстен, кто вчера поднялся ко мне на леса и принёс горячую воду для клея?

Заведующая побледнела.

— Я поднималась. Но там... там был кто-то ещё.

— Кто?

Она не ответила.

Мила открыла чемоданчик. Праздничная теснота вокруг стола сразу распалась: люди знали медные углы «Трёх чаш» и не любили видеть их рядом с собой.

— Никто не уходите, — сказала она. — Это не обвинение. Мне нужно проверить, не затронута ли память.

— Мила, — тихо произнесла Тала.

— Одна минута.

— Закрой чемоданчик.

— Они забыли твою работу.

— Я заметила.

— В акте исчезло имя.

— И это тоже.

Мила увидела, как люди переводят взгляды с одной сестры на другую. Ещё немного — и Тала перестанет быть ре-

ставраторшей у собственной вывески и станет младшей сестрой сборщицы, за которую говорят.

Она закрыла крышку.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Мила.

— Сначала получить копию акта и оплату. Потом осмотреть мастерскую. После этого я решу, нужен ли сборщик.

— Оплата не вернёт свидетельства.

— Но это моя работа и мой порядок действий.

Мила кивнула и отошла от стола.

Тала заставила распорядителя от руки вписать в акт её имя, номер допуска и перечень выполненных операций. Затем каждый присутствующий записал на отдельной карточке, что именно помнит о реставрации. Большинство помнили леса, запах масла, снятую доску. Никто не мог уверенно назвать исполнителя, хотя Тала двенадцать дней работала у всех на виду.

Седая госпожа Лорн плакала над своей карточкой.

— Я приносила тебе чай, — сказала она Тале. — Каждый день, кажется.

— В первые три дня, — ответила Тала. — Потом у вас заболело колено.

— Почему же я не помню твоего лица там, наверху?

— Пока не знаю.

Тала не утешала ложью. Мила любила её за это и каждый раз хотела защитить от цены такой честности.

Когда они ушли, пирог остался неразрезанным.

Мастерская Талы занимала бывшую швейную лавку на улице Медников. Над дверью висела небольшая дощечка без названия: буква «Т», вписанная в квадрат окна. Её Тала вырезала в шестнадцать лет. Тогда никто ещё не соглашался платить девочке за реставрацию, и она восстанавливала выброшенные таблички, пока хозяева не начинали замечать, что старые вещи умеют приводить покупателей лучше новых.

Внутри вдоль стен стояли вывески. «Молочная Керы» с нарисованным серебряным кувшином. «Лодочные иглы» с буквой «л», проткнутой настоящей медной иглой. Половина слова «Обувь», спасённая после пожара. У каждой доски висела карточка: адрес, возраст, состав красок, имя заказчика, имя исполнителя, свидетели передачи.

— Сначала дверь, — сказала Тала.

Замок не был взломан. Пыль в нижнем пазу лежала ровно. Тала достала из ящика журнал и нашла вчерашнюю запись: ушла в девять часов вечера, помещение опечатано личным знаком. Под записью стоял её росчерк.

— Печать была цела утром?

— Да.

— Ты уверена?

Тала посмотрела на неё.

— Ты спрашиваешь как сборщица или как сестра, которая уже решила, что моей памяти нельзя доверять?

— Как сборщица.

— Тогда запиши вопрос без нажима.

Мила достала карточку и записала: «Владелица помещения сообщает: личная печать при открытии выглядела целой». Показала Тале.

— Так?

— Так.

Они проверили шкаф с пигментами, ящик договоров и сушильную стену. Из «Дома северного окна» сюда вчера принесли старую нижнюю планку вывески — ту, которую нельзя было вернуть на фасад из-за гнили. Тала собиралась сохранить фрагмент с подписью первого мастера.

Планка лежала на верстаке. Подпись исчезла.

Не была соскоблена или смыта. Волокна дерева оставались нетронутыми, лак — цельным. Место под подписью выглядело так, будто мастер никогда не касался его кистью.

Тала взяла увеличительное стекло.

— Контур был здесь. Я делала копию.

Она вытащила папку с рисунками. На листе углём повторялась подпись: «Эрин Варо, буквенный мастер». Ниже Тала вчерашним почерком добавила: «Обнаружено под третьим слоем синего».

— Запись сохранилась, — сказала Мила.

— Потому что копия была здесь, а доска — в приюте, когда это случилось. Или наоборот.

Тала достала карточки других заказов. За последние два месяца три акта содержали исправления: имя Талы было

вписано заново, один раз — другим цветом чернил, дважды — её рукой. На обороте каждого она делала пометку, что заказчик забыл встречу или приписал работу городской мастерской.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что сначала это была ошибка. Потом — две ошибки. На третьей я начала вести отдельный список.

— И всё равно не сказала.

— Я собиралась принести список в «Три чаши», когда пойму, что проверять. У тебя свои клиенты. У меня свои.

— Тала, если кто-то читает твою книгу...

Слова вырвались раньше, чем Мила решила их произнести.

В мастерской стало слышно, как вода капает с карниза в жестяное ведро.

— Мою что? — спросила Тала.

Истинные имена не произносили публично, но о книгах говорили ещё реже. Городская библиотека уверяла, что они нужны только для защиты от Слуха — старой болезни, при которой имя будто отделялось от человека и начинало отвечать чужим голосам. Большинство жителей получали бытовое имя в детстве, истинное запечатывали и забывали. Книга должна была лежать нетронутой всю жизнь.

Прочесть её мог хранитель при угрозе городу. Так гласил устав.

Мила вспомнила пустоту в глазах заведующей, подпись,

исчезнувшую без повреждения дерева, и библиотечную печать на воске Эннела.

— Если чтение имени способно убрать из памяти поступок, — сказала она, — кто-то мог читать твоё. Не всё. Отдельные страницы.

— Ты говорила, это запрещено.

— Запрещено.

— Это не ответ.

— Я не знаю, возможно ли выбирать поступок. Но вчера нашла библиотечную печать там, где её не должно быть.

Тала медленно опустила увеличительное стекло.

— Вчера?

— Я хотела сначала проверить.

— Почему ты имеешь право сначала проверить, а я обязана сразу рассказывать тебе о трёх испорченных актах?

Мила не нашла честного ответа, который не звучал бы как «потому что я старше».

— Не имею, — сказала она.

Тала ждала продолжения.

— Я увидела человека, который украл моё имя во время карантина. Арона Вейля.

Капля ударила в ведро.

— Того мальчика из твоих кошмаров?

— Он давно не мальчик.

— Ты с ним говорила?

— Он показал знак и исчез.

— Какой знак?

Мила повторила движение: ладонь, затем палец поперёк горла.

Тала нахмурилась.

— И после этого ты пришла держать мою лестницу.

— У тебя было открытие.

— А если он следил за тобой?

— Поэтому я и держала лестницу.

На секунду Тала закрыла глаза. Потом засмеялась — без веселья.

— Вот оно. Ты пришла не на мою работу. Ты пришла охранять меня, не сказав, что есть опасность.

— Я пришла ради тебя.

— Это разные вещи, Мила.

Она сняла с гвоздя плащ.

— Куда ты?

— Домой. Проверить наш архив.

— Подожди Исту или Соль. Я могу...

— Ты можешь идти рядом. Не впереди.

Их дом стоял в переулке Печатников, над закрывшейся переплётной лавкой. После смерти матери сёстры разделили комнаты, деньги и домашнюю работу, но не архив. Он занимал узкий стенной шкаф в общей гостиной. Мать хранила там свидетельства рождений, договор на жильё, письма отца и всё, что осталось после карантина Слуха.

По дороге Мила замечала каждый синий плащ фонарщи-

ка и каждую высокую фигуру без зонта. Тала ничего не говорила. Она шла быстро, не позволяя Миле первой выходить на перекрёстки.

У двери печать была цела: тонкая красная нитка соединяла косяк с медной пластинкой замка. Тала показала на неё.

— Свидетельствуешь?

— Свидетельствую: внешнего разрыва нет.

Тала сама открыла дверь.

В гостиной пахло пылью, сухой лавандой и вчерашним чаем. Всё стояло на местах. На спинке стула висел домашний платок Милы, возле окна сохли Талины перчатки. Архивный шкаф был заперт двумя ключами. Один носила Мила, второй — Тала.

— Ты открывала его после весенней переписи? — спросила Тала.

— Нет.

— Я тоже.

Они вставили ключи одновременно. Так придумала мать после карантина: документы, касавшиеся обеих дочерей, нельзя было смотреть одной. Мила в детстве считала это игрой. Позже поняла — мать боялась не воров, а людей с правильными печатями.

Замки щёлкнули.

На верхней полке лежали договоры. На второй — семейные письма, перевязанные серой лентой. На нижней стояла плоская деревянная коробка с карантинными бумагами.

Тала вынула её и поставила на стол.

Внутри находились две папки, синяя и зелёная. Синяя принадлежала Миле, зелёная — Тале. На каждой мать написала бытовое имя и дату запечатывания истинного.

Мила раскрыла зелёную первой. Свидетельство Талы было на месте. Лист осмотра, разрешение на бытовое имя, квитанция библиотеки: «Книга принята, доступ ограничен». Ни следов чтения, ни новых печатей.

— Теперь твоя, — сказала Тала.

Синяя папка была тоньше.

Мила увидела это ещё до того, как развязала тесёмки. Бумаги не пружинили под пальцами, как раньше. Между листом карантинного осмотра и библиотечной квитанцией оставался узкий светлый промежуток, а на сгибе серела полоса пыли. Там двадцать пять лет хранилась страница, написанная рукой матери.

Не само истинное имя. Его мать не вынесла бы из библиотеки. На странице были обстоятельства выбора: кто присутствовал, какие слова ребёнок произносил во сне, почему мать отвергла первое предложенное хранителями звучание. Единственное семейное свидетельство, что имя Милы когда-то принадлежало не книге.

Страницы не было.

Тала перебрала документы и заглянула под коробку.

— Ты брала её?

— Нет.

— Арон?

— Он украл книгу, не эту запись. И тогда страница ещё лежала у матери.

На внутренней стороне синей обложки виднелся новый знак. Маленький золотой прямоугольник: раскрытая книга и закрытый глаз.

Под ним — две цифры, те же, что начинали код распределительного отдела фонарного управления.

Мила не прикоснулась к печати. Вчера ей хотелось доказательства связи. Теперь доказательство лежало в доме и означало, что кто-то открыл шкаф с двумя неповреждёнными замками.

Тала придвинула к себе чистый лист.

— Записываем всё, что помним о странице. Отдельно. Потом сравним.

Мила посмотрела на сестру. Ей хотелось запереть дверь, отправить Талу к Соль, самой отнести коробку в надзор и найти Арона прежде, чем он найдёт их снова. Каждое желание называло себя заботой. Каждое отнимало у Талы право выбрать следующий шаг.

— Хорошо, — сказала она. — Отдельно.

Они сели по разные стороны стола.

Мила написала: «Мать объясняла, что отвергла имя, означавшее послушание».

Тала написала: «Мать не позволила хранителю назвать сестру удобной».

Мила: «На полях был нарисован мост».

Тала: «Внизу стояла клякса, похожая на лодку».

Мила помнила шесть строк. Тала — четыре. Вместе они восстановили смысл, но не точные слова. И обе обнаружили одинаковую пустоту: ни одна не могла вспомнить, кто был вторым свидетелем рядом с матерью.

Не отец. Не соседка. Не городской лекарь.

На странице стояла подпись человека, которого они знали.

Поступок этого человека уже исчезал.

За окном зажёгся фонарь. Жёлтый огонь дрогнул, налился синим и снова стал жёлтым.

Из шкафа донёсся сухой шелест.

Мила открыла дверцу. В глубине, за связкой писем, лежала карточка, которой минуту назад там не было. Плотная серая бумага, золотой обрез, ни имени, ни номера.

На лицевой стороне было напечатано:

«Поступок изъят из общего чтения».

На обороте рукой Арона Вейля написано одно предложение:

«Если вспомнишь меня только виновным, библиотека уже начала читать».

Глава 3. Изгнанник у закрытой двери

К утру Мила вспомнила Арона добрым.

Воспоминание было маленьким, почти безобидным: мальчик сидел на полу карантинной палаты и чинил ей бумажную лодку. У лодки размок нос, и Арон укрепил его полоской с края собственного пропуска. Потом поставил судёнышко в таз с серой водой. Оно сделало круг между кроватями, а восьмилетняя Мила впервые за трое суток перестала слушать голоса за стеной.

Она помнила его пальцы в чернильных пятнах. Помнила, как он дул на бумагу. Помнила даже сердитую складку у него между бровями.

Но не могла вспомнить, как лодка оказалась у неё.

Мила села на постели. За окном рассвет разбавлял ночь дождевой водой. Из соседней комнаты доносилось ровное дыхание Талы. На стуле лежали две стопки записей, которые они составили перед сном: всё об исчезнувшей странице, всё об Ароне Вейле. Они договорились не дополнять их до завтра, чтобы поздние догадки не притворились памятью.

На своей карточке Мила написала: «Пятнадцать лет. Помощник при карантинном архиве. Украл мою книгу. После этого голоса перестали меня звать. Исчез до снятия каран-

тина».

Ни слова о бумажной лодке.

Она зажгла одну свечу, взяла чистый лист и записала новое воспоминание отдельно. В строке «источник» поставила: «обнаружено после получения каталожной карточки». Потом разбудила Талу.

Сестра прочитала обе записи, не садясь. Волосы у неё были собраны на одну сторону, на щеке отпечатались шов подушки.

— Ты рассказывала про лодку, — сказала она.

— Когда?

— В детстве. Много раз. Говорила, что сама сложила её из карантинного пропуска.

— Я не умела складывать лодки до десяти лет.

— Значит, либо ты присвоила его поступок, либо теперь вернула. Удобная ловушка.

Мила положила рядом серую карточку Арона. Ночью они запечатали её в стеклянную банку, обмотали горлышко двумя нитями и расписались на бумажной ленте. Печати оставались целы.

— Он велит мне считать его не только виновным.

— Нет. Он предупреждает, что такое воспоминание может появиться. Это не одно и то же.

— Почерк его.

— Ты уверена?

Мила посмотрела на резкие вытянутые буквы. В карантин-

не Арон оставлял ей записки на оборотах лекарственных бланков. Или ей только что подарили это знание вместе с лодкой? — Уверенность больше не доказательство, — сказала она. Тала кивнула.

Они составили утренний договор на одном листе. Мила идёт к библиотеке искать Арона. Тала остаётся не дома, а в мастерской, где сама проверит заказы и соберёт независимые свидетельства. В полдень они меняются записками через Соль. Если одна не отвечает два часа, другая действует по заранее указанному адресу, а не ищет наугад. Ни одна не обещает второй безопасности.

Последнюю строку предложила Тала.

«Мы обязуемся сообщать известный риск, но не принимаем решений друг за друга».

— Это клятва? — спросила Мила.

— Договор. Его можно пересмотреть.

Они обе подписали лист.

*

Городская библиотека Лиора закрывалась редко. Даже во время наводнения читателей впускали через окна второго этажа, перекинув мостки с дома напротив. В дни Слуха закрывали обычные залы, но оставляли справочное окно: люди должны были иметь место, где можно спросить, принадлежит ли им голос, который зовёт из трубы или зеркала.

Сегодня все семь бронзовых дверей были заперты.

На ступенях блестела свежая табличка:

«САНИТАРНАЯ ПРОВЕРКА КАТАЛОГА. ВОЗВРАТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ».

Под навесом толпились читатели. Старик прижимал к груди завёрнутую в клеёнку книгу. Девушка в форме навигационного училища спорила со сторожем: сегодня последний день её допуска к картам приливных каналов. Двое посыльных поставили ящики прямо под дождь.

Мила обошла фасад. Служебная дверь со стороны переулка тоже была закрыта, но из-под неё вытекала тонкая полоска тёплого воздуха. Она присела и коснулась камня ногтем. В щели застыл чёрный воск.

Не узел нарушенной клятвы — обрезок после плавки. Кто-то топил воск внутри в количестве, которого хватило бы на квартал фонарей.

Мила достала щипцы, стеклянную трубку и три чистые карточки. За спиной хлопнул зонт.

— Если возьмёте образец, они узнают, — сказал мужчина. Она не обернулась.

— Если не возьму, я не узнаю ничего.

— Узнаете, что дверь закрыта.

— Это я установила без помощи изгнанного библиотекаря.

Арон остановился в трёх шагах. Он был без вчерашнего серого пальто, в вытертой куртке лодочника, слишком лёгкой для осеннего дождя. Волосы намокли и прилипли ко лбу. На правой руке не было перчатки; от основания большого

пальца к запястью тянулся белый рубец, похожий на след переплётной нити.

Мила поднялась, оставив образец на камне.

— Карточка в моём доме — твоя работа?

— Да.

— Ты вошёл через запертый шкаф?

— Нет.

— Тогда как она там оказалась?

— Её выдал каталог. Я указал адрес доставки.

— Домашний шкаф не является адресом.

— Для каталога является. Он помнит место, где имя впервые признали принадлежащим человеку.

Мила почувствовала, как злость возвращает миру устойчивые края.

— Ты воспользовался моей книгой, чтобы послать записку.

— Остаточной связью с карточкой. Книгу я не открывал.

— Я должна поверить различию, которое придумали хранители?

— Нет. Поэтому я пришёл показать след.

Он протянул левую руку. На внутренней стороне запястья темнел ряд мелких точек, будто кожу прокололи иглой. Пять были старыми, шестая ещё кровила.

— Каждая выдача без книги отмечает бывшего хранителя, — сказал Арон. — Вчера была шестая.

— Почему бывшего хранителя вообще слушается ката-

лог?

— Потому что изгнание лишает ключей, а не знаний. Эмбер считала, что одного достаточно.

Имя хранительницы Мила знала по городским объявлениям. Эмбер Лад открывала детские читальни, выступала на похоронах утонувших архивистов и каждую весну уверяла совет, что книги имён никогда не используются для изменения частной судьбы.

— Кто читает книги?

Арон взглянул на дверь. Над косяком висел водосток в форме птицы. Дождь стекал из раскрытого медного клюва и разбивался между ними.

— Сегодня — трое старших хранителей. Иногда приглашают распорядителя из фонарного управления. Он приносит воск.

— Зачем клятвенный воск библиотеке?

— Обычное чтение меняет вероятность и забирает один поступок из общей памяти. Клятва удерживает выбранную развилку открытой дольше. Чем меньше человек помнит, зачем обещал, тем чище горит причина.

Мила вспомнила Эннела Лиса, который знал, что подвёл жену, и уже не знал, почему когда-то хотел сохранить с ней дом. Его причина стала топливом не только для фонаря.

— Они заранее создают нарушения.

— Они заранее знают, где обещание не сдержат. Это пока всё, что я могу доказать.

— Ты знал об этом, когда оставил знак у управления?

— Знал часть.

— А двадцать пять лет назад? Когда забрал мою книгу?

Лицо Арона не изменилось, но рука с проколами закрылась.

— Тогда в карантинной палате собирались прочесть имена шести детей. Нам сказали, что это остановит Слух.

— Нам?

— Младшим помощникам. Мы переписывали карточки и носили воск.

— Тебе было пятнадцать.

— Да.

— И ты решил, что в пятнадцать имеешь право выбрать за меня.

— Да.

Он не добавил «но». От этого Миле стало труднее держаться за приготовленный ответ.

— Ты украл книгу.

— Да.

— Что сделали с остальными детьми?

— Прочли по одной странице. Слух отступил от всех шестерых. Потом никто в квартале не мог вспомнить, кто из детей первым позвал на помощь из запертой палаты.

— Это была я?

— Я не знаю. Я тоже забыл.

Дождь дробно застучал по медному клюву. Арон стоял

под струёй, не пытаясь приблизиться к навесу.

— Почему мою книгу не прочли?

— Я вынес её до начала чтения и спрятал в переплётной шахте. После карантина вернул в каталог под ложным номером.

— Не мне.

— Не тебе.

— Не моей матери.

— Нет.

— И двадцать пять лет позволял библиотеке хранить её там, где только ты знал номер.

— Первые семь лет — да. Потом Эмбер нашла подмену. Я попытался вынести книгу снова, и меня изгнали.

Вот как строилось оправдание: сначала признание, затем обстоятельство, затем ещё одно обстоятельство, пока вина не становилась тонкой, как волос.

Мила вынула из кармана утреннюю запись и прочла про бумажную лодку.

— Это случилось?

Арон долго смотрел на карточку.

— Я чинил лодку. Ты сложила её сама из моего пропуска.

— Тала помнит, что я говорила иначе.

— Значит, чтение уже вернуло мой поступок тебе и забрало твой у остальных.

— Какая удобная арифметика. Теперь я должна благодарить тебя за лодку, за тишину, за спасение.

— Нет.

— Ты сам написал: не помнить тебя только виновным.

— Я написал не так.

Мила услышала точность и возненавидела её прежде, чем поняла.

На карточке было: «Если вспомнишь меня только виновным, библиотека уже начала читать».

Не просьба помнить добро. Признак вмешательства: память, которая упрощает человека до одной роли, даже приятной и заслуженной, могла быть следом открытой книги.

— Почему именно ты? — спросила она. — Зачем каталогу менять мои воспоминания о тебе?

— Чтобы ты либо доверилась мне без проверки, либо отказалась слушать всё, что я скажу. Обе развилки ведут к закрытой двери.

— А какая нужна тебе?

— Та, где дверь открываешь ты.

Он достал из-под куртки тонкую металлическую пластинку и положил на камень между ними. Это была половина библиотечного ключа: зубцы спилены, на головке перечёркнута печать раскрытой книги.

— Не подарок, — сказал Арон. — Образец. На нём остался состав внутреннего замка и воск последнего чтения. Возьми через свидетеля. Не касайся рукой.

— Ты всё ещё распоряжаешься сведениями порциями.

— Да. Если я назову книгу, которую читают сегодня, связь

может открыть её на следующей странице.

Мила посмотрела на кровавую точку у него на запястье.

— Чью книгу читают?

Арон не ответил.

Служебная дверь за его спиной дрогнула. Не открылась — будто дерево втянуло воздух и снова осело в раме. Из щели потянулся запах горячей пыли, мокрой шерсти и свежего яблочного среза.

Запах домашней клятвы.

Мила поставила пустую стеклянную трубку рядом с половиной ключа и свистнула городского свидетеля. Такие дежурили у рынков и учреждений, подтверждая передачи, отказы и найденное имущество. Из-под арки вышла женщина в белой клеёнчатой накидке.

— Свидетельствуйте, — сказала Мила. — Мужчина, называющий себя Ароном Вейлем, передаёт вещественный образец без уступки права и без требования встречного обещания.

— Называющий себя? — повторил Арон.

— Уверенность больше не доказательство.

Свидетельница записала их слова, подняла ключ щипцами и запечатала в трубке. Арон расписался бытовым именем. Мила — номером лицензии. Когда женщина ушла, он выглядел почти довольным.

— Не смей, — сказала она.

— Что?

— Радоваться тому, что я поступила правильно по твоему совету.

Уголок его рта опустился.

— Хорошо.

— И не принимай мой образец как согласие работать с тобой.

— Я не принимаю.

— Если тебе известно о Тале...

Дверь снова вдохнула. На этот раз за ней что-то упало — тяжёлое, с шелестом страниц.

Арон побледнел.

— Где она?

— В своей мастерской.

— Одна?

— По собственному выбору. В полдень к ней придёт Соль.

— Сколько у нас времени?

— Не «у нас».

— Справедливо. Сколько времени у тебя?

Мила посмотрела на часы над аптечной башней. До полудня оставалось сорок минут.

— Если начали с детских страниц — меньше часа. Записывай сейчас всё, что Тала делала для тебя и при тебе. Не оценку. Поступки. Даты, места, свидетелей.

— Зачем мои воспоминания о ней?

— Потому что книгу читают не для неё. Через неё добиваются до тебя.

Он вырвал лист из карманной книжки и прислонил к стене.

Мила не спросила, откуда он знает. Она уже бежала.

*

На улице Медников дождь кончился так внезапно, словно кто-то захлопнул кран над городом. Люди выходили из-под навесов и недоверчиво поднимали лица. Мила обогнула телегу с известью, едва не сбила мальчика с корзиной и увидела над дверью мастерской Талы пустой квадрат.

Буквы «Т» внутри не было.

Дощечка висела на прежних крючках. Дерево сохранило царапины, слой масла, потемневшие края. В центре не осталось ни выемки резца, ни следа краски.

Мила остановилась прежде, чем открыть дверь. Записала время. Описала знак. Позвала женщину из соседней молочной и попросила сказать, что та видит над входом.

— Ничего, — ответила женщина. — Тала всё собиралась сделать вывеску, да руки не доходили.

— Вы видели здесь букву?

— Какую букву?

Мила показала собственную утреннюю карточку: «Тала вырезала знак в шестнадцать лет». Чернила были на месте.

В мастерской пахло льняным маслом. Тала сидела за верстаком, перед ней лежали договор, часы и три запечатанных конверта. Соль стояла у сушильной стены и читала вслух список.

— Ты опоздала на семь минут, — сказала Тала.

— Соль пришла раньше.

— На одиннадцать. Поэтому мы начали.

Мила закрыла дверь и заставила себя не подбегать к сестре.

— Что исчезло?

Тала повернула к ней лист.

В первой колонке значилось: «До одиннадцати сорока семи». Во второй: «После».

До: Тала в шестнадцать лет сама вырезала знак мастерской.

После: соседи уверены, что вывески не было.

До: Тала нашла под краской подпись Эрина Варо.

После: копия подписи сохранилась, но госпожа Эстен помнит находку как работу городского архивиста.

До: Тала бесплатно восстановила таблички для затопленного переулка три года назад.

После: жители помнят новые таблички и не помнят мастера.

— Они читают твою книгу, — сказала Мила.

— Я догадалась.

Голос Талы был сух и спокоен. Только левая рука лежала под правой, и Мила видела, как сестра прячет дрожь.

— Арон предупреждал.

— Ты его нашла?

— Да.

— Ты ему поверила?

— Я взяла образец через свидетеля.

Тала подняла глаза. Вопрос был не о ключе.

— Я поверила, что он знает механизм, — сказала Мила.

— Не что он имеет право решать за нас. И не что спасение отменяет кражу.

— Хорошо.

Соль положила на стол свою карточку. Она была высокой, коротко стриженной, с медной чашей кооператива на шее. В отличие от Исты, Соль никогда не смягчала плохую новость надеждой, пока не проверит надежду на весах.

— Я помню три поступка Талы, — сказала она. — Теперь два. Пока читала первый список, из головы ушло, как она нашла для нас помещение после пожара.

— Ты помнишь, что помещение нашла она? — спросила Мила.

— Прочла в собственной записи. В памяти осталось, что мы переехали. Чьё это было решение — пусто.

Тала достала из-под верстака деревянную дощечку. Ту самую, где в главе заказов хранилась угольная копия подписи Эрина Варо. Теперь в углу доски проступала тонкая золотая линия. Она медленно удлинялась, складываясь в прямоугольник библиотечной печати.

Чтение продолжалось.

— Нужно увезти тебя из города, — сказала Мила.

Тала посмотрела на неё.

Слова оказались такими привычными, что Мила почти не заметила, как нарушила утренний договор.

— Нет, — исправилась она. — Я хочу предложить тебе уехать, потому что не знаю, зависит ли чтение от расстояния. Но Арон сказал, что через твою книгу добираются до меня. Здесь у тебя мастерская, записи и свидетели. Решение твоё.

— Я остаюсь, — сказала Тала. — И хочу попасть в библиотеку.

— Двери закрыты.

— Значит, найдём другую.

Соль коснулась медной чаши на груди.

— Сначала в «Три чаши». Если библиотека кормит чтения нашим воском, это касается всех сборщиц. Иста должна открыть журнал партий.

На доске золотой прямоугольник замкнулся. Внутри появился раскрытый переплёт. Там, где полагалось быть закрытому глазу, дерево осталось пустым.

Тала взяла резец и провела вокруг печати круг, отделяя её от остальной поверхности.

— Что ты делаешь? — спросила Мила.

— Оставляю свой поступок там, где его смогут увидеть.

— Они могут стереть и его.

— Тогда я сделаю следующий.

За окнами один за другим вспыхнули дневные фонари. Их огонь был синим, хотя дождь уже кончился.

В стекле Мила увидела отражение трёх женщин у верста-

ка: сборщицы, реставраторши и свидетельницы. Ни одна не могла обещать, что утром вспомнит остальных правильно.

Поэтому они сели и начали записывать.

Глава 4. Три чаши

К полудню в кооперативе горели все лампы, хотя за высокими окнами стоял светлый час.

Огонь был синим.

Мила заметила это прежде, чем услышала голоса из счётной комнаты. В обычном клятвенном воске синяя кайма появлялась только у самого фитиля — тонкая, почти бесцветная полоса между веществом и пламенем. Теперь же три подвесные чаши светились целиком, и лица работниц под ними казались вырезанными из холодной глины.

Тала остановилась на пороге.

— Это та же партия?

— Пока не знаю, — ответила Мила.

Она не сказала «не трогай». После утра такие слова требовали особенно внимательного обращения. Вместо этого протянула сестре чистую карточку.

— Запиши, что видишь, до того как кто-нибудь объяснит нам, что мы должны увидеть.

Тала кивнула. Соль уже была у шкафа входных регистраций. Она сняла с шеи медный жетон, приложила его к замку и не смогла повернуть.

— Иста сменила личинку, — сказала она.

Из счётной комнаты донёсся удар ладони по столу.

— Я не буду голосовать по бумаге, которую нам не дали

прочесть! — крикнула Леда, старшая ночной смены.

— Вам дали выдержку, — ответила Иста. — Полный текст принадлежит управлению до подписания.

— Тогда пусть управление само его и подписывает.

Мила вошла в зал.

«Три чаши» занимали бывшую купальню. От неё остались плиточный пол с синими трещинами, медные трубы вдоль стен и глубокие ниши, где когда-то раздевались посетительницы. Теперь в нишах стояли столы приёма, сушильные шкафы и весы. В центре под тремя подвесными чашами собирались одиннадцать женщин дневной и ночной смен. Иста Корн сидела во главе длинного стола. Перед ней лежала красная папка, прижатая обеими руками.

Иста первой заметила Милу.

— Наконец-то. Я посылала за тобой дважды.

— Ни одного посыльного не было.

— Первый вернулся и сказал, что мастерская Талы закрыта. Второй не нашёл твоего адреса в реестре.

Тала, стоявшая за плечом Милы, тихо втянула воздух. На её карточке уже были записаны синие лампы, новый замок и слова Исты.

— Кто были посыльные? — спросила Мила.

— Служащие управления.

— Имена?

— Сейчас это неважно.

— Если человек заявляет, что не нашёл мой адрес, имя

важно.

Иста убрала одну руку с папки и потерла переносицу. За пять лет совместной работы Мила научилась различать её усталость. Была усталость после ночного сбора, когда Иста забывала налить воду в чайник. Была усталость после переговоров, при которой она говорила слишком медленно и без-ошибочно. Сегодня на её лице лежала другая: усталость человека, который уже принял решение за остальных и теперь сердился, что мир не поторопился согласиться.

— Мы получили контракт, — сказала Иста. — Не предложение. Контракт. С гарантированным выкупом на сорок дней.

Она раскрыла красную папку ровно настолько, чтобы показать первую страницу с печатью фонарного управления. Нижнюю половину прикрывала ладонь.

По залу прошёл шёпот.

Сорок дней гарантированного выкупа означали выплату долгов за печь, новый защитный инвентарь и жалованье даже в недели без сборов. После весеннего пожара кооператив жил от партии к партии. Две работницы уже брали ночные смены на частных котельных. У Леды дома было четверо детей. У Марык — мать после перелома. Мила знала цену слову «гарантированный» и потому не позволила себе презрительной улыбки.

— Что выкупает управление? — спросила она.

— Весь пригодный воск второй и третьей категории.

— Свежий или выдержанный?

— Весь.

— С причинами или после отделения?

Иста посмотрела на неё.

— Технические приложения мы обсудим после голосования о намерении.

— Нет, — сказала Соль.

Она подошла к столу и положила рядом с папкой свой жетон. Не швырнула, не звякнула им — просто положила. Медная чаша на жетоне была разделена тремя поперечными рисками.

— Три чаши, — произнесла Соль. — Сборщица, тот, чью клятву собирают, и свидетель. Ни одна не становится крышкой для двух других. Так было записано при основании.

— Я была при основании, — сухо сказала Иста.

— Тогда открой приложение.

— Оно содержит служебные цены.

— Мы совладелицы. От нас нельзя скрыть цену нашего труда.

Несколько женщин за столом закивали. Другие смотрели на красную папку так, словно внутри уже лежали купленные зимние сапоги.

Иста повернулась к Миле.

— Скажи им. Если мы упустим контракт, к концу месяца закроется сушильня.

— Сначала я хочу понять, что горит в наших лампах.

— Обычный запас.

— Из какой партии?

— Мила, не сейчас.

— Именно сейчас.

На секунду в зале стало слышно, как в медных трубах стекает вода. Затем одна из синих ламп щёлкнула. На поверхность расплавленного воска поднялся пузырь и лопнул с запахом мокрой золы.

Тала быстро добавила строку на карточке.

Мила подошла к ближайшей чаше. На её краю должен был висеть бирочный кружок с номером партии. Кольцо было на месте, но картон срезан. Осталась только нитка.

— Кто заправлял лампы?

Молодая сменщица Рина подняла руку.

— Утром уже были заправлены.

— Кем?

— Не знаю. Я пришла без четверти восемь. Иста была здесь.

Иста не отвела глаз.

— Я проверяла склад перед визитом управления.

— Одна?

— Служебная проверка не требует свидетеля.

— Любое вскрытие хранилища требует двух жетонов.

— Если нет угрозы порчи.

— Была угроза?

— На северной стене выступила сырость.

Соль развернулась к шкафу регистраций.

— Поэтому ты сменила замок?

— Замок заедал.

— Вчера не заедал.

— Вчера не было сырости.

Леда коротко, без веселья рассмеялась. Иста ударила ногом по папке.

— Вы можете устроить суд над каждым моим решением. Только сначала решите, чем платить за помещение. Управление предлагает четырнадцать процентов выше рыночной цены.

— За что именно? — повторила Мила.

— За топливо.

— Нет. За что именно они доплачивают четырнадцать процентов?

Иста ничего не сказала.

Ответ пришёл из красной папки. Между страницами лежал тонкий лист копировальной бумаги, и на нём проступали зеркальные буквы нижнего документа. Мила наклонилась, не касаясь листа. Разобрала: «неразделённая причинная доля». Ниже стояло: «допустимая утрата свидетельского следа — до одной трети».

В горле стало сухо.

— Они покупают причины, — сказала она.

— Они покупают материал, который мы всё равно не можем хранить бесконечно.

— Мы отделяем причины и возвращаем их клиенту в запечатанной записи.

— Возвращали, — поправила Иста. — Когда у нас было достаточно свидетелей и две исправные печи.

— Ты уже подписала?

— Письмо о намерении.

— От имени кооператива?

— Как распорядительница.

Соль взяла жетон со стола и надела обратно.

— Аудит. Сейчас.

— Ты не можешь объявить аудит единолично.

— Могу потребовать. Для начала достаточно одной чаши.

Для вскрытия архива нужны две. Мила?

Все посмотрели на неё.

Мила почувствовала знакомое давление: один ответ должен был превратить тревогу в решение, а женщин — в тех, кто решению подчинится. Раньше она считала это доверием. Сегодня увидела в нём удобную форму передачи ответственности.

— Прежде чем присоединиться, я хочу услышать тех, кому контракт нужен, — сказала она. — Не Истино объяснение. Ваше.

Леда первой подняла подбородок.

— Мне нужен доход. Если аудит заморозит склад, ночная смена останется без выплат.

— Запиши это в протокол, — сказала Мила Тале.

Марык заговорила следом:

— Мне нужен безопасный инвентарь. Вчера перчатка разошлась на шве. Я не хочу выбирать между риском и закрытием.

— Запиши.

Рина призналась, что подписала зимнюю аренду, рассчитывая на контракт. Две сборщицы сказали, что не станут продавать неразделённый воск ни за какую доплату. Одна предложила принять только выдержанные партии. Ещё одна спросила, что такое «свидетельский след», и в комнате возникло неловкое молчание.

Мила ответила:

— Это память окружающих о конкретном поступке человека. Не о том, хороший он или плохой. О том, что именно он сделал. Если след выгорает, результат поступка может остаться, а авторство исчезнет.

Тала продолжала писать. Никто, кроме Милы, не знал, насколько буквально сестра уже заплатила эту цену.

— Так нельзя, — сказала Рина.

— Можно, — возразила Иста. — Это происходит при любом сборе. Вопрос в размере и в компенсации.

— В обычном сборе слабеет память самого нарушителя о причине обещания, — сказала Мила. — Здесь речь о памяти других людей. Это другой процесс.

— Ты уверена?

— Уверена настолько, чтобы не голосовать вслепую.

Иста закрыла папку.

— Тогда голосования не будет.

— Будет аудит, — сказала Мила. — Я присоединяюсь к требованию Соль.

По старому уставу две чаши могли остановить сделку на одни сутки и вскрыть архив в присутствии независимого свидетеля. Третья — та, которая принадлежала клиентам, — обычно была деревянной чашей с карточками жалоб. Сейчас она висела на стене пустая.

Соль подошла к ней, сняла с крюка и поставила на стол.

— Клиенты не могут проголосовать, если им не сообщили, что продаётся, — сказала она. — До уведомления их чаша считается против.

Иста побледнела.

— Вы погубите кооператив красивой процедурой.

— Возможно, — ответила Соль. — Но если мы выживем, продавая чужое право помнить, кооператив уже будет погублен. Просто деньги придут раньше известия.

Мила ожидала нового спора. Вместо этого Иста вынула из кармана связку ключей и бросила на стол.

— Ищите.

Соль не коснулась связки.

— Через свидетеля.

— Конечно, — сказала Иста. — Теперь всё через свидетеля. Даже дыхание.

Городская свидетельница, принимавшая утром ключ Аро-

на, прибыла через двадцать минут. Её звали Дея Мон. Она сняла мокрую накидку, прочла вслух основания аудита и попросила каждую участницу назвать бытовое имя и должность. Когда очередь дошла до Талы, Дея на мгновение нахмурилась.

— Мы встречались?

Тала не ответила сразу.

— Сегодня утром. У библиотеки вы приняли образец у моей сестры.

— Там была женщина-свидетель от передающей стороны, — сказала Дея. — Я не записала её имени.

— Я не была свидетелем передачи.

— Тогда простите.

Тала поставила в протоколе отметку: «Дея Мон не помнит утреннего присутствия Талы». Рука у неё больше не дрожала.

Архивный замок открыли жетоном Соль и ключом Исты. За дверцей обнаружились два журнала, пломбир, коробка клиентских расписок и пустое место шириной с ладонь. Пыль вокруг него была нарушена недавно.

— Что здесь стояло? — спросила Дея.

— Ничего, — ответила Иста.

— Полка помнит иное, — сказала Тала.

Она провела над пылью косым светом карманного зеркала. На дереве проступил прямоугольник и след круглого основания.

— Сосуд, — сказала Мила. — Малый, для контрольной пробы.

— У нас нет малых сосудов, — отрезала Иста.

— Был один, — сказала Леда. — С медным горлом. После пожара Мила принесла его из старой мастерской.

Мила посмотрела на неё.

Она помнила старую мастерскую после пожара: мокрые балки, расколотые банки, запах расплавленного лака. Помнила, как выносила журнал. Помнила Соль с обожжённой косой. Малого сосуда в памяти не было.

— Кто ещё видел его? — спросила она.

Леда оглянулась.

Никто не поднял руки.

— Я видела, — сказала Иста после паузы. — Леда ошиблась в одном: сосуд принесла не Мила.

— А кто?

Иста открыла рот и замерла.

Её взгляд соскользнул с Милы на пустое место, затем на собственные ладони.

— Не помню.

В комнате стало холоднее, хотя синие лампы горели за стеной.

Дея записала показания. Мила надела защитные перчатки и вынула из шкафа журнал партий. Последние страницы были заполнены рукой Исты: номера, масса, район, категория, доля причины, имя сборщицы, два свидетеля. В трёх

строках графа происхождения была выскоблена. Не зачёркнута — бумагу снимали слой за слоем, пока не исчезли даже вдавленные следы пера.

— Партии двадцать восемь, тридцать одна и тридцать две, — прочла Мила. — Где накладные?

Соль перебрала коробку.

— Двадцать восьмая есть. Происхождение — улица Канатчиков, сборщица Рина, клиент Эннел Лис.

Рина вскочила.

— Я не собирала у Лиса.

— В журнале твой знак.

— В тот день я была у матери за рекой.

— Свидетели?

— Перевозчик. И хозяйка постоянного двора.

— Запишем и проверим, — сказала Дея.

Мила положила рядом наряд, полученный от фонарщика утром. Номер остатка совпал: 28-К. Но вместо кооперативного маршрута в наряде стоял распределительный отдел управления.

— Подпись Риной закрывает чужую передачу, — сказала она.

— Я не ставила подпись.

— Я верю, что ты этого не помнишь. Пока мы не знаем, ставила ли.

Рина отшатнулась, будто Мила ударила её.

— Очень утешительно.

— Мне жаль. Но если у нас крадут поступки, уверенность каждого из нас больше не достаточна. Включая мою.

Тала подняла голову от протокола. Это были почти те же слова, которые Мила сказала Арону. Теперь они причиняли боль невинной женщине и всё равно оставались необходимыми.

Соль нашла накладную тридцать первой партии. На ней значился сбор на Рыбной лестнице: семь домашних клятв, один свидетель, доставка Истой Корн. Иста прочла лист дважды.

— Я не ездила на Рыбную лестницу.

— Твой знак, — сказала Дея.

— Вижу.

— Кто может подтвердить, где вы были?

Иста назвала заседание совета ремесленниц. Леда тихо сказала:

— Заседание перенесли. Ты сама принесла записку.

Иста обернулась к ней.

— Нет.

— Я читала её вслух ночной смене.

— Нет.

Второе «нет» прозвучало тише. Не отрицание — просьба к миру вернуть привычную форму.

Мила перевернула накладную и увидела на обороте слабый золотистый след. Не печать. Отпечаток дна сосуда: круг с тремя разрывами. В центре круга темнели крошечные чёр-

ные точки.

Она поднесла лист к синей лампе. Точки вытянулись в линии, похожие на поспешную запись. Слова невозможно было прочесть целиком, но отдельные глаголы сохранились:

«нашла».

«вынесла».

«предупредила».

«отказалась».

Не обещания. Поступки.

Мила взяла чистое стекло, провела им над листом и поймала испарение. Оно осело серебряным налётом, хотя клятвенный воск всегда давал чёрный или бурый.

— Это не партия нарушенных клятв, — сказала она. — Или не только она.

— Что тогда? — спросила Леда.

— Следы того, что было стёрто чтением книги имени. Кто-то смешал их с причиной обещания.

— Поступки нельзя собрать, — возразила Иста.

— Мы считали, что нельзя. Но библиотека может выжигать общественную память. Выжженное должно куда-то уходить.

Тала подошла ближе, не переступая очерченную Деей границу проверки.

— В сосуд, который никто не помнит?

— Возможно.

— И потом в наши лампы.

Синий свет лежал на её лице. Мила посмотрела на глагол «вынесла» и вдруг увидела Талу три года назад у затопленного переулка: по колено в воде, с охапкой старых табличек. Воспоминание было ясным, но в нём не осталось действия. Тала просто стояла в воде. Кто вынес таблички из домов? Кто убедил жителей сохранить старые названия? Кто нашёл сухой чердак?

Мила знала ответ из утренней записи.

Она больше не могла вспомнить его сама.

— Я потеряла один, — сказала она.

Тала поняла.

— Какой?

— Затопленный переулок. Помню тебя в воде. Не помню, что ты сделала.

Тала прикрыла глаза. Только на мгновение.

— Запиши, — сказала она.

Мила записала.

Соль тем временем раскрыла второй журнал — расходный. Между обычными выдачами нашлись три ночные передачи без цены. Получателем значилось фонарное управление, но печать принадлежала библиотеке. Рядом стояла подпись Исты.

— Я передавала им воск, — сказала Иста прежде, чем кто-нибудь спросил. — Три раза.

— Почему этого нет в общем журнале? — спросила Соль.

— Они сказали, что партии заражены плесенью памяти.

Что если оставить их здесь, работницы начнут путать клиентов и собственные причины.

— Кто сказал?

— Инспектор Дан Орт. Приходил с библиотечной служащей.

— Имя служащей?

— Не представилась.

— Почему ты не потребовала документы?

Иста провела ладонью по закрытой красной папке.

— Потому что на следующий день управление предложило погасить долг за печь. Я решила, что это шанс.

— Для кого? — спросила Рина.

— Для всех нас.

— И поэтому записала мой знак?

— Я не записывала.

— Но скрыла происхождение.

— Да.

Это короткое признание изменило воздух сильнее, чем прежние отрицания.

Иста встала. Под синими лампами она выглядела старше своих пятидесяти одного года.

— После пожара мы задолжали управлению больше, чем могли заработать за зиму. Страховая палата назвала возгорание следствием неправильного хранения, хотя именно городские трубы дали обратную тягу. Соль нашла помещение. Мила принесла клиентов. Леда набрала смену. Я должна бы-

ла найти деньги. Дан предложил оплату за три испорченные партии, а затем контракт. Я согласилась на передачу. Я сняла накладные из общего доступа. Про подписи и сосуд я не знаю.

— Ты знала, что им нужна причинная доля? — спросила Мила.

— После второй передачи.

— И продолжила.

— Да.

— Почему?

— Потому что к тому времени первая выплата уже ушла на жалованье. Вернуть её означало сказать Марык, что у её матери не будет сиделки, а Леде — что её дети могут питаться принципами. Я думала, найду способ отделять причины позже.

Марык отвернулась. Леда сжала губы.

Мила ощутила соблазн назвать Истино решение предательством и тем самым сделать происходящее простым. Но простота уже стала орудием библиотеки: виновный, спаситель, выгодный контракт, испорченная партия. Каждый ярлык сжигал поступки, связывавшие человека с последствиями.

— Ты должна была вынести это на голосование, — сказала она.

— И получить отказ.

— Возможно.

— Тогда у нас не было бы кооператива.

— У нас был бы выбор.

Иста впервые посмотрела не на Милу, а на деревянную чашу клиентов.

— Выбор — роскошь тех, кому есть чем оплатить следующий день.

— Нет, — сказала Тала. — Иногда следующий день, купленный без выбора, принадлежит уже не тебе.

Иста вздрогнула, словно забыла, что Тала здесь.

Дея закрыла протокол.

— Аудит приостанавливает передачи на сутки. Обнаружены несоответствия происхождения трёх партий, использование чужих знаков, отсутствие контрольного сосуда и незаявленное смешение материала. До определения риска лампы должны быть погашены.

Рина потянулась к гасильнику.

— Подожди, — сказала Мила.

Она снова посмотрела на синий огонь. Если в нём действительно горели стёртые поступки, гашение сохранит остаток для анализа. Но обычный колпак мог размазать испарение по металлу. Мила взяла три чистых стеклянных купола, велела каждой работнице выбрать один и пометить его собственным знаком при Дее.

— Почему три? — спросила свидетельница.

— Потому что одной пробе мы больше не поверим.

Соль держала первый купол. Рина — второй. Третий Ми-

ла передала Тале.

— Я не член кооператива, — сказала сестра.

— Ты представляешь тех, чьи поступки могли попасть в партию. Если согласна.

Тала посмотрела на неё внимательно, проверяя, не превратилась ли просьба в назначение.

— Согласна.

Они накрыли огонь одновременно.

Первая чаша погасла с тихим шипением. Вторая выпустила синюю нить. В третьей пламя на мгновение стало золотым, и на внутренней стороне стекла проступило слово.

Не имя.

«Основала».

Все видели его. Дея записала. Тала обвела углём по внешней стороне купола. Соль сняла лампу и поставила на него-рючий поддон.

Иста смотрела на слово, не моргая.

— Что? — спросила Мила.

— Ничего.

— Иста.

— Я не основала «Три чаши» одна.

Соль медленно повернулась к ней.

— Конечно не одна. Мы были впятером.

— Нет. До нас была ещё женщина.

— Какая женщина?

Иста прижала пальцы к виску.

— Она придумала чаши. Не символ — правило. Сказала, что обещание никогда не принадлежит только тому, кто его дал. Она нашла эту купальню после закрытия.

— Помещение нашла Тала после пожара, — сказала Соль.

— Это помещение — да. Я говорю о первом, под мостом. Там был подвал. Женщина принесла три глиняные чаши и поставила на ящик.

— Имя?

— Не помню.

— Что с ней стало?

— Не помню.

Иста подняла руки. На правой ладони, у основания большого пальца, проступала бледная круглая метка с тремя разрывами — такая же, как отпечаток исчезнувшего сосуда.

— Раньше этого не было, — сказала она.

Мила не стала отвечать, что не уверена. Вместо этого попросила Дею описать метку, Талу — зарисовать, Соль — найти старые учредительные бумаги.

Каждое действие получило свидетеля. Каждое сомнение — строку.

Красная папка с контрактом лежала закрытой. Теперь никто не смотрел на неё как на спасение. Но и долги не исчезли. Сушильня не починилась от правды. Жалованье не возникло из протокола.

— Завтра управление потребует ответ, — сказала Иста.

— Завтра получит вопросы, — ответила Соль.

— А если закроют нас сегодня?

Мила сняла перчатки и положила рядом с деревянной чашей.

— Тогда это решение тоже будет записано с именами тех, кто его принял. Но прежде мы узнаем, чьи поступки сжигали у нас над головами.

За окнами Лиора дневные фонари продолжали гореть синим. Один за другим, от улицы Канатчиков к библиотечному холму, они складывались в холодную цепь.

Мила подошла к окну и впервые увидела не линию поставок.

Это была строка каталога.

И где-то в её начале стояло имя женщины, основавшей «Три чаши», — имя, которого не помнил никто из тех, кто жил благодаря её поступку.

Глава 5. Каталожная карточка без владельца

Наружный каталог открывался за час до библиотеки и закрывался на час позже. Так было написано на медной табличке у боковой лестницы, словно городу оставляли великодушную возможность искать книги даже тогда, когда читать их запрещено.

В половине шестого утра лестница была пуста. Дождь шёл наискось и скапливался в углублениях букв. Мила провела пальцем по слову «наружный» и обнаружила под ногтем чёрную крупинку воска.

— Не трогай голой рукой, — сказала Тала.

Она стояла ступенью ниже, в плаще с капюшоном и с плоским ящиком для вывесочных проб под мышкой. В ящике лежали уголь, зеркальная пластинка, листы рисовой бумаги и три подписанных свидетельских бланка. Мила взяла всё это с собой по настоянию сестры. Талу — нет.

— Мы договорились, что ты останешься у Деи.

— Мы договорились сообщать риск. Ты сообщила. Я решила прийти к наружной двери и не входить без нового решения.

— Это похоже на словесную лазейку.

— Это она и есть. Я учусь у старшей сестры.

Мила хотела рассердиться, но Тала уже протянула ей перчатку. Пришлось взять.

Через улицу, под навесом закрытой булочной, ждала Дея Мон. Городская свидетельница не могла участвовать во взломе и заранее произнесла это дважды — для Милы и для собственного протокола. Но она могла зафиксировать состояние двери до входа, принять копии найденного и подтвердить, кто вернулся наружу. В Лиоре закон любил чистые границы. Жизнь обычно происходила в грязи между ними.

Мила приложила к щели половину ключа Арона. Металл не вошёл в замок: обломок был слишком широк и заканчивался рваным зубцом. Зато дверь ответила лёгкой дрожью. За дубовой створкой один за другим щёлкнули карточные ящики, как зубы у замёрзшего человека.

— Ключ узнают, — сказала Тала.

— Или его владельца.

— Бывшего владельца.

Мила достала библиотечную карточку, появившуюся в домашнем архиве, и поднесла к медной табличке. Надпись «Поступок изъят из общего чтения» побледнела. На обороте проступила тонкая схема: три прямоугольника, лестница и знак раскрытой книги с закрытым глазом.

Боковая дверь оставалась запертой, зато нижний край таблички отошёл от стены. За ним обнаружилась узкая рукоять.

— Это вход для карточек, — сказала Тала.

— Для служащих, которые считают себя карточками.

Мила потянула рукоять. Часть стены беззвучно сдвинулась внутрь.

Они посмотрели на Дею. Та подняла часы и показала циферблат: пять сорок две. Потом раскрыла протокол.

— Я войду одна, — сказала Мила.

— Почему?

— Потому что книгу твоего имени уже читают. Я не поведу тебя ближе к каталогу.

Тала стиснула ремень ящика.

— Это решение за меня.

— Да. Если бы опасность касалась только тебя, я не имела бы права. Но твоё присутствие может изменить то, что покажут мне о других людях. Я отвечаю за следы аудита.

Сестра долго смотрела на тёмный проход.

— Тогда условие. Семь минут. На восьмой я зову Дею и открываю дверь полностью.

— Десять.

— Восемь.

— Девять, и ты неходишь одна ни при каких обстоятельствах.

— Согласна.

Они записали условие. Только после этого Мила шагнула за стену.

Внутри пахло мокрой бумагой, железом и тем особенным холодом, который остаётся в комнате после произнесённой лжи. Узкий коридор привёл её в круглый зал. По стенам от

пола до потолка стояли каталожные шкафы. Тысячи латунных ручек тускло отражали свет единственной лампы.

Пламя было синим.

Мила надела вторую перчатку и накрыла лампу стеклянным колпаком из Талиного ящика. На стекле проступило: «вернула». Через мгновение слово растаяло.

В центре зала находился стол дежурного, но стула не было. На столешнице лежал журнал посетителей. Все строки за последние сорок дней были пусты, хотя края страниц потемнели от частых прикосновений.

Мила положила рядом рисовую бумагу и провела углём. Вдавленные записи проявились не именами, а приказами:

«сверить»;

«изъять поступок»;

«направить причину»;

«выдать вероятность».

Последняя строка была сегодняшней.

«Ровен. Доступ через владельца».

Мила удержала уголь, хотя рука хотела рвануться прочь. Так сборщица удерживает щипцы, когда клятва лопается в сосуде: не потому, что не боится, а потому, что резкое движение отдаст осколок ближайшему человеку.

Она отсчитала шкафы по схеме с карточки. Первый ящик был помечен районами, второй — ремёслами, третий не имел надписи. На его ручке отпечатался круг с тремя разрывами, тот же знак, что проявился на ладони Исты.

Ящик не поддался.

Мила приложила половину ключа. В глубине что-то перевернулось, будто тяжёлая страница. Замок открылся.

Карточки внутри стояли не по алфавиту. На выступающих краях были записаны глаголы: «основала», «предупредила», «вынесла», «отказалась». У каждой карточки имелись дата, номер книги и цена чтения. Графа владельца была выскоблена.

Мила нашла «основала». Номер книги отсутствовал. Цена чтения: один свидетельский круг. Дата совпадала с годом появления первого подвала «Трёх чаш».

Под глаголом кто-то приписал: «Перенесено в топливную долю. Причина пригодна».

Значит, женщину не просто забыли. Её поступок разобрали на тепло, а память о нём использовали, чтобы удержать чужую судьбу в выбранном русле.

Мила сняла копию. Когда уголь прошёл над строкой, в синей лампе за её спиной вспыхнуло золотое. Из дальних шкафов донёсся шелест. Карточки двигались сами, перебирая человека по его поступкам.

Одна латунная ручка выдвинулась.

На ней было написано её обычное имя: «Мила Ровен».

Она не прикоснулась сразу. Проверила время — шесть минут. Осмотрела пол вокруг ящика: ни печати, ни проволоки, ни следов свежего воска. Подвела зеркальную пластинку. В отражении ручка оставалась без надписи.

Имя предназначалось только ей.

Мила потянула ящик через ткань.

Внутри лежала одна карточка из серой бумаги. На лицевой стороне значилось:

«Книга: закрытая серия, детское поступление».

«Текущий номер: изменяемый».

«Право выдачи: отсутствует».

«Владелец: не установлен».

Ниже стоял знакомый знак — раскрытая книга и закрытый глаз. Поверх старой печати наложили новую, сливового цвета: «Доступ возможен при добровольном предъявлении причины нерушимой клятвы».

У Милы заledenели пальцы.

Владелец не установлен. Не она. Не Арон. Не библиотека. Её имя превратили в вещь, у которой временно нет хозяина, а её единственную нерушимую клятву — в удостоверение для входа.

На обороте мелким почерком было записано:

«Изъятие Вейля признать нарушением хранения, сохранившим единицу от планового чтения. Повторное чтение отложить до созревания связующей причины».

Мила прочла дважды. Арон действительно спас её книгу от чтения. И библиотека двадцать пять лет ждала, пока обещание не бросать Талу станет достаточно сильным, чтобы связать что-то большее.

Узнать это означало не простить его. Но прежняя простая

версия — украл и тем лишил её имени — треснула. Под ней оказалась другая, хуже: украл, спас, скрыл, оставил доступной, снова пытался забрать. Поступки не складывались в одно слово.

За стеной Тала трижды постучала. Восемь минут.

Мила положила карточку на рисовую бумагу. Уголь не оставил следа. Она попробовала зеркальную пластинку — отражение показывало чистый лист. Тогда Мила вынула бланк свидетельницы и вслух описала каждую строку, не произнося истинного имени, которого не знала. Бумага приняла её голос: буквы проступили почерком Деи.

На девятой минуте наружная дверь открылась шире.

— Мила? — позвала Тала.

— Выхожу.

Она вернула карточку точно на место. В тот миг ящик захлопнулся, а в круглом зале погасла лампа.

Из темноты произнёс мужской голос:

— Копия за копию — плохой обмен.

Инспектор Дан Орт стоял в коридоре к главной лестнице. На нём не было форменного плаща, только серый сюртук и мокрый шарф. Значок он держал в ладони, будто ещё решал, какую роль выбрал.

— Вы пришли без стражи, — сказала Мила.

— А вы без разрешения.

— С городской свидетельницей у двери.

— Она подтвердит проникновение.

— И состояние каталога до того, как вы успеете его исправить.

Дан посмотрел на голосовой бланк в её руке.

— Отдайте лист.

— Нет.

— Тогда к полудню лицензионная палата получит сообщение о заражённом воске в «Трёх чашах». Проверку остановят, помещение опечатают, работников распустят до выяснения. Ваш аудит закончится.

— Вы называете это предложением?

— Я называю последствиями. Предложение другое. Вы забываете этот зал, я признаю три партии обычной ошибкой учёта. Контракт не подписываете. Кооператив продолжает работу.

На несколько ударов сердца Мила увидела соблазн целиком. Жалованье Леды. Сиделка для матери Марык. Долг за печь. Иста, избавленная от публичного разбирательства. Та-ла, чьё имя перестанут читать — если Дан говорит правду.

Цена выглядела не как предательство. Она выглядела как забота о людях, которым нечем платить за её принципиальность.

— Чью причину вы сожжёте, чтобы я забыла? — спросила Мила.

Дан моргнул.

— Это оборот речи.

— Нет. Здесь всё слишком буквально. Вы предлагаете мне

молчание, потому что умеете превращать его в топливо. Чей поступок исчезнет за открытие нашей двери завтра?

— Никто не должен исчезать.

— Уже исчезла основательница «Трёх чаш».

Он опустил взгляд. Этого было достаточно.

Мила подняла бланк.

— Я передам копию Дее. Вторую — Соль. Третью получит человек вне кооператива, имя которого вы не узнаете. Проверка продолжится.

— Вы потеряете лицензию.

— Возможно.

— Ваши работницы потеряют доход.

— Возможно. И они узнают, кто принял решение и почему. Я не куплю им следующий день их же стёртыми поступками.

Дан сжал значок так, что край врезался в кожу.

— Вы думаете, правда возвращает людям выбор. Иногда она просто перечисляет двери, которые уже закрыты.

— Тогда откройте одну.

— Какую?

— Назовите женщину, основавшую кооператив.

Лицо инспектора осталось неподвижным, но на шее дрогнула жилка.

— Я не знаю.

— Скажите: не помните или никогда не знали?

Он не ответил.

Снаружи Тала ударила по двери ладонью.

— Девять минут!

Мила отступила к проходу, не поворачиваясь к Дану спиной.

— В полдень палата придёт с печатью, — сказал он.

— Пусть Дея приготовит ещё бумаги.

— Вы не понимаете, что нашли. У карточки нет владельца не потому, что библиотека забрала ваше имя.

Мила остановилась.

— А почему?

— Потому что однажды вы сами согласились его отдать.

Слова попали точно в то место, где должна была храниться материнская страница. Пустота отозвалась болью — не воспоминанием.

Дан сделал шаг ближе.

— Отдайте бланк, и я покажу запись согласия.

Вот настоящий обмен. Не безопасность кооператива. Прошрое за молчание. Ответ, который мог снять часть вины с Арона или возложить её на восьмилетнюю Милу, будто ребёнок способен навсегда распорядиться собой.

— Если запись существует, — сказала она, — она останется существовать и после проверки.

— Не обязательно.

— Тогда вы только что признали угрозу доказательству при свидетельнице за дверью.

Она вышла.

Тала схватила её за локоть, но тут же разжала пальцы.

— Можно?

— Можно.

Сестра снова взяла её под руку. Дея отметила время — пять часов пятьдесят одна минута — и приняла голосовой бланк в конверт. Мила вслух перечислила найденное, включая слова Дана о детском согласии. Инспектор не появился в проходе и не стал возражать.

Когда скрытая дверь закрылась, медная табличка вернулась на место. Дождь смыл с неё чёрную восковую крупинку. Осталась чистая надпись о часах работы, спокойная и законная.

— Ты нашла свою книгу? — спросила Тала.

— Карточку. Без права выдачи. Владелец не установлен.

— Но владелец — ты.

— Мы это знаем. Каталог — нет.

— Тогда он сломан.

— Нет, — сказала Мила, глядя на синие фонари, один за другим гаснувшие с наступлением утра. — Боюсь, он работает именно так, как его устроили.

Дея запечатала конверт тремя каплями обычного красного сургуча. Ни одна не дала тепла.

Мила впервые за долгую ночь обрадовалась холодному воску.

Глава 6. Фонарь из чужой причины

К полудню лицензионная палата не пришла.

Вместо неё к задней двери «Трёх чаш» доставили фонарь в деревянном ящике. Курьер оставил груз под навесом, попросил расписаться за «образец после аварийного погашения» и ушёл так быстро, будто за ним уже тянулся дым.

Мила не стала вносить ящик в мастерскую. Она велела поставить складной стол во дворе, натянуть дождевой полог и позвать всех, кто подписал протокол вчерашнего аудита. Иста явилась первой. Соль принесла весы и три пустых сосуда. Тала пришла вместе с Деей Мон и несла свой ящик с красками обеими руками.

— Ты должна была отдыхать, — сказала Мила.

— А ты должна была не ходить ночью в библиотеку. Значит, сегодня мы обе работаем с последствиями.

Мила заметила, что сестра не сказала «с твоими последствиями». Это было маленькое различие, но после разговора у наружного каталога оно имело вес.

На крышке ящика стояли две печати. Синяя принадлежала фонарному управлению. Сливовая изображала раскрытую книгу и закрытый глаз.

— Они даже не прячут связь, — сказала Соль.

— Прячут назначение, — возразила Иста. — Печать всегда можно назвать разрешением на проверку.

Мила дала Дее записать состояние пломб, затем надрезала верёвку. Внутри лежал обычный уличный фонарь: медный каркас, мутное стекло, поддон для воска. Только фитиль был сплетён не из льна, а из тонких бумажных полос.

Тала наклонилась, не касаясь стекла.

— Это страницы?

— Поля страниц, — ответила Мила. — На них не должно быть текста.

Она сняла колпак щипцами. Из поддона пахнуло нагретой пылью и чем-то сладким, почти домашним. Так мог пахнуть сундук с детскими вещами, если оставить его у печи. Мила знала этот обман воска: причина обещания всегда старалась притвориться безопасным воспоминанием.

Они разложили испытание по трём чашам. В первую положили крупицу обычного клятвенного воска из опечатанного запаса. Во вторую — чёрный остаток из фонаря. Третью оставили пустой для того, что отделится при нагреве. Соль сверила вес. Дея записала цифры.

— Поджигаем только контрольный образец, — сказала Мила. — Фонарный греем через водяную рубашку. Если начнётся речевой отклик, никто не отвечает.

— Даже если он назовёт имя? — спросила Тала.

— Особенно если назовёт.

Контрольный воск вспыхнул ровно. На белой пластине проступила короткая фраза: «вернуться к ужину». Тепло продержалось семь ударов часов, затем исчезло. Мила запи-

сала цвет пламени и запах мокрой шерсти. Простая нарушенная клятва, уже собранная по согласию владельца.

Чёрный остаток не плавился. Он становился прозрачнее, слой за слоем, словно в нём открывали окна. На дне второй чаши показались две нити: золотая и синяя. Золотая тянулась к бумажному фитилю. Синяя уходила к третьему сосуду, хотя между чашами оставалось расстояние.

Пустая чаша звякнула.

На её стенке выступили слова: «чтобы она знала».

Тала резко вдохнула.

— Это моё.

— Не отвечай, — сказала Мила.

— Я не обещание услышала. Причину. Я восстановила вывеску Эды, чтобы она знала: лавка принадлежала её матери. Я говорила тебе.

Мила помнила. Тала три недели снимала позднюю краску по крупице, нашла под ней старые буквы и отказалась брать доплату. На открытии хозяйка плакала, а через день никто из гостей не помнил, кто вернул вывеске прежнее имя.

Теперь причина этого поступка лежала в чаше отдельно от самого воспоминания.

Бумажный фитиль шевельнулся без ветра. Золотая нить втянулась в него, и над столом на мгновение возникла строка каталожного письма:

«Вероятность признания: снижена».

Соль накрыла фонарь гасильным колпаком. Пламени не

было, однако медь под ним оставалась тёплой.

— Они сжигают не только клятвы, — сказала она.

— Клятва даёт толчок, — ответила Мила. — А причина удерживает выбранную развилку. Поэтому остатки теплее нормы и поэтому после чтений люди повторяют чужое решение как естественное.

Иста смотрела на вторую чашу.

— Контракт требовал отделять тёмную долю и передавать управлению. Я думала, они очищают её.

— Ты спрашивала как?

— Спросила. Мне показали заключение палаты.

— Чьей подписью?

Иста закрыла глаза.

— Дана Орта.

Во дворе стало слышно, как вода переливается из сломанного желоба в бочку. Мила ожидала злости, но ощутила лишь точность: ещё одна связь заняла своё место.

Тала протянула руку к третьей чаше.

— Можно забрать причину обратно?

— Не знаю.

— А если снова соединить её с воспоминанием?

— Не знаю.

Произнести это дважды оказалось тяжелее, чем дать совет. Сборщиц учили выглядеть уверенными рядом с чужой утратой. Но уверенность без знания была ещё одним способом распорядиться человеком.

— Мы можем сохранить образец, — сказала Мила. — Ты решишь, участвовать ли в дальнейшей проверке. Сначала я перечислю риски.

Тала кивнула.

В этот момент за воротами кто-то трижды ударил металлической тростью. На улице стоял Дан Орт. Рядом с ним не было ни писца, ни стражника. Он держал запечатанный приказ, но не показывал его.

— Образец доставили по ошибке, — сказал он.

— Тогда ошибка уже внесена в протокол.

— Верните фонарь, и палата не станет считать вскрытие нарушением.

Дея подняла перо.

— Повторите для записи, инспектор.

Дан взглянул на третью чашу и увидел слова. Лицо его изменилось едва заметно: не удивление, а узнавание.

— Вы не понимаете, что отделили. Причина без обещания ищет новый поступок. Она прицепится к ближайшему подходящему решению.

— Поэтому управление вставляет её в страницы, — сказала Мила. — Чтобы она прицепилась к прочитанной развилке.

— Чтобы город не развалился от случайностей.

— Чьих случайностей?

— Всех.

Тала вышла из-под полога. Мила шагнула следом, но оста-

новилась, когда сестра подняла ладонь.

— Мою работу забыли ради порядка? — спросила Тала.

— Я не знаю, чья причина попала в этот фонарь.

— Вы только что её узнали.

Дан посмотрел на Милу, словно она могла вернуть разговор в привычные рамки проверки. Мила промолчала.

— Ваш поступок оказался связан с книгой имени, — сказал он Тале. — Возможно, изъятие предотвратило более тяжёлое изменение.

— Какое?

— Расчёт не раскрывается владельцу воздействия.

Тала усмехнулась без веселья.

— Значит, я владелица, когда мне нельзя знать, и никто, когда мне должны вернуть сделанное.

Она вернулась к столу, взяла свидетельский бланк и описала свою работу над вывеской: цвет нижнего слоя, форму старых букв, имя прежней хозяйки, трещину над дверью. Дея подписала запись. Затем Тала передала лист Исте.

— Что ты делаешь? — спросила Мила.

— Возвращаю поступку свидетелей. Не память. Пока только место среди людей.

Соль прочла запись вслух и поставила подпись. Иста долго держала перо, затем тоже расписалась.

Слова на третьей чаше потемнели. «Чтобы она знала» не исчезло, но перестало тянуться к фитилю.

Мила поняла, что видит не исцеление, а сопротивление.

Причина искала единственную судьбу, к которой её заставили прилипнуть; свидетели дали ей несколько человеческих связей, ни одна из которых не требовала владения.

Дан спрятал приказ в карман.

— До вечера двор будет опечатан.

— На каком основании?

— Опасное обращение с памятью.

— Тогда вам придётся опечатать библиотеку первой.

Он ушёл, не попрощавшись.

Дождь усилился. Иста перенесла сосуды в железный шкаф, а Соль начала составлять список независимых свидетелей. Дея сделала четыре копии протокола. Никто не спрашивал Милу, что делать дальше, и сначала это обидело её почти физически. Потом она поняла: именно этого добивались три чаши. Решение не должно было помещаться в одной руке.

Тала осталась у стола.

— Я пойду с тобой дальше, — сказала она.

— Я не могу обещать, что это безопасно.

— Я не прошу обещания. Я предлагаю условия. Ты не скрываешь найденное, даже если считаешь, что защищаешь меня. Я не вхожу в библиотеку без общего решения. Если одна из нас хочет остановиться, мы останавливаем испытание, но не расследование другой.

Мила посмотрела на чашу с причиной. Её нерушимая клятва требовала сказать сестре «нет», увезти её к Дее, за-

переть все двери и принять опасность на себя. Это ощущалось любовью. Именно поэтому было страшно признать в нём несвободу.

— Добавим свидетеля к каждому изменению условий, — сказала она.

— Добавим.

— И право не объяснять отказ сразу.

— На сутки. Потом объяснение обязательно.

— Согласна.

Они не скрепляли договор воском. Дея записала его обычными чернилами, оставив внизу свободное место для поправок.

К вечеру фонари на улице зажглись один за другим. Синий свет лёг на мокрые камни. Теперь Мила видела в каждом пламени не только нарушенное обещание, но и вырванную из чьей-то жизни причину — то, ради чего человек когда-то выбрал поступить именно так.

Тала встала рядом.

— Как мы назовём то, что делаем?

— Пока — проверкой.

— Дан назовёт преступлением.

— Библиотека — ошибкой хранения.

— А на самом деле?

Мила посмотрела на четыре экземпляра свидетельства, сохнувшие под пологом.

— Мы возвращаем людям право быть причиной собствен-

ных поступков.

На дальнем перекрёстке один синий фонарь погас. В окне напротив зажглась обычная свеча, потом ещё одна. Света стало меньше, зато он больше не притворялся бесплатным.

Глава 7. Цена спасения

К полудню двор «Трёх чаш» не опечатали.

Вместо служителей палаты у ворот появилась тонкая сливовая лента. На ней не было ни подписи, ни номера постановления — только повторяющаяся печать раскрытой книги и закрытого глаза. Лента не запрещала входить. Она делала хуже: каждый, кто проходил под ней, забывал, зачем пришёл.

Первой попалась Рина. Она переступила порог с корзиной пустых сосудов, остановилась посреди двора и спросила, не продают ли здесь свечи. Соль вывела её обратно, вслух назвала цель визита и записала её на дощечке. Со второй попытки Рина вошла, прижимая дощечку к груди.

— Это не печать палаты, — сказала Дея Мон, рассматривая ленту через перевёрнутое зеркальце. — И не распоряжение библиотеки. Юридически у нас украшение ворот.

— А практически — забор из забытого намерения, — ответила Мила.

Она не позволила срезать ленту. Сначала Дея сняла оттиск, Соль составила список свидетелей, а Тала нарисовала на камнях от улицы до мастерской белые стрелки. Возле первой написала: «Назови своё дело». Возле второй: «Спроси себя, согласен ли продолжать». У третьей оставила пустое место для ответа.

К часу двор снова работал. Медленнее, с остановками, за-

то никто не входил по чужой воле, принятой за собственную.

Арон пришёл без предупреждения. Он остановился перед лентой, прочёл Талины надписи и достал из кармана листок.

— Я пришёл рассказать Миле о карантине Слуха, — произнёс он, глядя на свои слова. — Я согласен войти, если она согласна слушать.

— Ты мог передать запись через Дею, — сказала Мила из-под навеса.

— Мог. Но часть записи существует только в библиотечном виде. Если переписать её обычными чернилами, пропадут отметки чтения.

В руках у него была серая тетрадь, стянутая двумя ремешками. На верхнем лежала половина старого ключа — вторая половина того образца, который он уже передал через свидетельницу.

Нерушимая клятва внутри Милы отозвалась коротким холлом. Тала стояла рядом, слишком близко к библиотечной ленте. Хотелось отослать её в дом Деи, закрыть ворота и говорить с Ароном одной. Вместо этого Мила повернулась к сестре.

— Я хочу выслушать его. Здесь, при свидетелях. Ты хочешь присутствовать?

— Да. Но если тетрадь начнёт читать нас, мы закрываем её сразу.

— Даже если не получим ответ, — согласилась Мила.

Дея внесла условие в протокол. Только после этого Арон

перешагнул ленту.

Он на мгновение потерял шаг, но не остановился. На его листке было записано не только дело, но и причина: «Потому что спасение без права знать становится продолжением кражи».

Мила прочла фразу дважды.

— Хорошо выученная формулировка.

— Да.

Он не попросил поверить, что выучил её ценой.

Они сели в испытательной комнате. Сосуд с Талиной причиной заперли в железном шкафу; фонарь оставили во дворе под наблюдением Соль. За столом были Мила, Тала, Дея и Арон. Иста отказалась присутствовать: сказала, что должна предупредить работниц о ленте и о возможности уйти с оплатой за день. Мила почувствовала благодарность и не стала превращать её в похвалу. Иста делала свою работу.

Арон положил серую тетрадь на медный поднос.

— Это дежурный журнал детской карантинной серии. Подлинник сшит из полей книг имён, поэтому реагирует на вопросы владельцев. В библиотеке считают его испорченным. Эмбер позволила мне унести его в ночь изгнания, потому что не знала о внутреннем слое.

— Или знала, — сказала Тала.

— Или знала.

— Кто такая Эмбер для тебя? — спросила Мила.

Арон не открыл тетрадь.

— Сначала наставница. Потом старшая хранительница. После смерти моей матери она оформила меня в ученический дом при библиотеке. Во время карантина ей было двадцать четыре. Мне — пятнадцать.

— И ты один украл шесть книг?

— Одну. Твою. Остальные пять прочли.

Слова легли на стол без попытки смягчить число. Мила смотрела на ремешки. Один был новым, другой истёрся у пряжки, будто его много лет открывали и снова затягивали.

— Начинай до кражи, — сказала она. — Не с того места, где ты уже решил стать спасителем.

Арон кивнул.

В год карантина Слух пришёл в Лиор вместе с тёплым дождём. Люди не заболели телом. Они начинали слышать свои истинные имена в голосах незнакомцев: в выкрике торговли, в скрипе колеса, в воде под мостом. Услышанное имя тянуло человека к тому, кто мог его записать. Взрослые запирались дома, затыкали щели воском и неделями разговаривали только жестами. Дети ещё не умели отличать имя от ласкового обращения и шли на звук.

Библиотека объявила убежища безопасными. Родителям велели передать детские именные записи на временное хранение, чтобы Слух не получил к ним доступа. Матери Милы выдали две расписки: одну настоящую, другую — для санитарной палаты. Вторая подтверждала добровольное согласие на «защитное чтение вероятностей».

— Она подписала? — спросила Мила.

— На настоящей расписке стоит её подпись. На согласии

— отпечаток твоего пальца.

В комнате зашуршал дождь по жестяному подоконнику.

— Мне было восемь.

— Да.

— Дан сказал, что я согласилась отдать имя.

— Ты сказала, что хочешь домой к Тале. Дежурный спросил: «Согласна ли ты сделать всё необходимое?» Ты сказала «да». Твой палец прижали к листу после этого.

Тала выпрямилась.

— Мне было два года. Я этого не помню.

— На этом строился отбор, — сказал Арон. — Брали детей, у которых была сильная причина вернуться к кому-то. Библиотека называла её якорем. Теперь я знаю другое слово: топливо.

Мила ощутила холод под рёбрами. Нерушимая клятва уже существовала тогда — детское обещание не бросать маленькую сестру. Библиотека не просто укрыла книгу. Она ждала, когда причина станет достаточно крепкой, чтобы связать с ней другие судьбы.

— Покажи запись, — сказала она.

Дея отметила время. Тала положила ладонь рядом с Милой, не касаясь её. Арон расстегнул верхний ремешок, затем остановился.

— Внутренний слой отвечает только на точный вопрос.

Не называй имя, даже мысленно, если можешь. Спроси о действии.

— Кто решил читать мою книгу?

Страницы раскрылись сами. На первой виднелся перечень температур, осадков и номеров коек. Потом серые строки разошлись, словно намокшие чернила, и под ними проступил другой текст.

«Решение принято старшими хранителями по предложению санитарной палаты. Объект Р-6: связующая причина устойчива, направлена на младшую родственницу. Рекомендуемая развилка: оставить в убежище после снятия карантина. Ожидаемый общественный выигрыш: снижение распространения Слуха в южных кварталах».

Мила прочла снова. Оставить в убежище. Не убить, не искалечить — всего лишь не вернуть домой. Формулировка была гладкой, как ручка двери, за которой ребёнок уже решился удержать навсегда.

— Что означал общественный выигрыш?

— Никто не считал его после чтения, — сказал Арон. — В журнал внесли ожидаемое значение. Если бы чтение состоялось, горожане забыли бы один твой поступок. Скорее всего тот, в котором причина проявилась сильнее всего. Ты бы перестала существовать для Талы как человек, который всегда возвращается.

— Но сама помнила бы её?

— Да. И пыталась бы вернуться. Только каждую твою по-

пытку окружающие принимали бы за опасное влияние Служа.

Тала медленно убрала ладонь со стола и сжала её в кулак.
— Поэтому ты украл книгу.

— Поэтому я решил, что имею право украсть книгу.

Мила посмотрела на него.

— Не прячь действие в правильном выводе. Что именно ты сделал?

Арон перевернул страницу.

Он был учеником переплётной комнаты. Ему поручили перенести шесть детских книг из карантинного шкафа в малый зал вероятностей. Каждую запечатали бумажной нитью; на Мильной книге нить потемнела ещё в коридоре, отзываясь на её клятву. Арон знал правила: не читать, не менять порядок, не разговаривать с детьми. Но за дверью ожидания Мила держала на руках спящую Талу и снова и снова рассказывала ей одну историю — как они выйдут, дойдут до дома по белым камням и сварят молоко с корицей.

Арон услышал не истинное имя, а причину.

Он унёс стопку в переплётную, снял с Мильной книги наружный номер и переставил его на пустой учебный том. Настоящую книгу завернул в свой фартук. Учебный том отнёс в зал вместе с остальными пятью.

— Они не заметили подмену? — спросила Дея.

— Заметили во время чтения. Но ритуал уже начался. Остановить его значило потерять пять выбранных развилок

и признать нарушение перед палатой. Эмбер распорядилась продолжать.

— Пять книг прочли, потому что ты спасла одну? — Тала спросила это у него, но смотрела на Милу.

— Нет, — ответил Арон. — Пять книг прочли потому, что хранители решили их прочесть. Моя кража не создала их решение. Но я выбрал только одну книгу, хотя держал шесть.

Это было признание, которого Мила не ожидала. Оно не облегчало тяжесть. Напротив, делало её точной.

— Почему мою?

— Потому что слышал тебя за дверью. Потому что знал твоё лицо. Потому что испугался не вообще, а за конкретно-го человека.

— И потому что мог стать героем в собственной памяти?

— Да. Это я понял позже.

На полях проступила бледная строка: «Чтение Р-1 — завершено». Затем ещё четыре. Имена были выскоблены, но возле каждого стояла цена: «забыт отказ», «забыто предупреждение», «заботилась — не подтверждено», «вынес из воды — свидетельств нет», «вернулся — память распределена».

Пять детских поступков исчезли из общего знания. Возможно, сами дети выросли, не понимая, почему им не верят. Возможно, их семьи до сих пор принимали последствия чтения за характер, неблагодарность или болезнь.

Мила закрыла глаза только на один вдох.

— Куда ты отнёс мою книгу?

— В старый дождевой архив под западной лестницей. Там бумага считалась погибшей после протечки. Я положил её в ящик без каталожной карточки.

— И ушёл за нами?

— Нет. Вернулся в зал.

— Почему?

— Хотел увидеть, сработала ли подмена. Хотел убедить-ся, что тебя не прочли. Пока проверял, детей вывели через другой коридор. Тебя с Талой забрала ваша мать.

— Ты мог вернуть книгу ей.

— Мог.

— Но не вернул.

— Нет.

Он не отвёл взгляда. Мила ненавидела в нём эту выдержку, потому что когда-то могла бы принять её за честность целиком. Теперь различала: честность начиналась не с того, что человек спокойно выдерживал её гнев, а с того, что он делал с правом, которое удерживал после признания.

— Дальше, — сказала она.

Арон оставил книгу в архиве на семь лет. Сначала боялся, что возвращение выдаст подмену и хранители всё-таки завершат чтение. Потом убедил себя, что спрятанное имя безопаснее имени, возвращённого семье. Он проверял ящик каждый месяц. Менял промасленную ткань. Переписал номер в собственный блокнот. Никому не сказал, даже когда

карантин закончился.

— Ты наблюдал за нами? — спросила Мила.

— Первые два года. Издали.

— Без нашего ведома.

— Да.

— Чтобы защитить?

— Так я это называл. Ещё — чтобы убедиться, что мой поступок имел смысл.

Тала встала и подошла к окну. Белые стрелки во дворе блестели под дождём. Рина переходила ленту, читая дощечку вслух.

— Семь лет, — сказала Мила. — За это время я могла сама решить, где хранить имя.

— Могла.

— Мать могла решить.

— Да.

— Ты спас меня от одного чтения и оставил книгу доступной людям, которые его назначили.

— Да.

Тетрадь дрогнула. Из корешка выскользнула тонкая карточка, до этого скрытая между слоями переплёта.

«Архив дождевых потерь. Ящик 14. Допуск наставника сохранён».

Внизу стояла сливовая отметка Эмбер Лад.

Арон побледнел.

— Этого я не видел.

Тала обернулась.

— Мы договаривались закрыть тетрадь, если она начнёт читать нас.

— Она отвечает на вопрос, — сказал он. — Это запись о доступе.

— И ты хочешь продолжить, потому что ответ важен тебе.

Он уже протянул руку к карточке. Потом остановился и убрал ладонь.

— Ты права. Закрываем.

Мила затянула ремешок сама. Серая надпись исчезла. Дея зафиксировала карточку зеркальным рисунком, не касаясь её.

В комнате стало тихо. За стеной кто-то разбил сосуд, выругался, потом рассмеялся от облегчения: обычная рабочая ошибка, не вмешательство судьбы.

— Ты действительно не знал о допуске? — спросила Мила.

— Нет. Но должен был предположить. Ученики не могли скрыть книгу от наставника одной подменой номера.

— Что случилось через семь лет?

— Я увидел карточку выдачи с твоим настоящим номером. Эмбер нашла книгу и вернула в закрытую серию. Я попытался украсть её снова. На этот раз меня ждали. Меня лишили ключа и имени должности, но не отдали палате. Эмбер сказала, что сохраняет мне жизнь в память о первом выборе.

— Она сделала тебя обязанным.

— Да. А я много лет принимал обязанность за вину и позволял ей решать, когда мне молчать.

Мила поднялась. Ей хотелось ходить, но тесная комната превращала любое движение в угрозу. Она открыла дверь во двор. Холодный воздух вошёл внутрь.

— Я принимаю сведения, — сказала она. — Тетрадь остаётся у Деи в опечатанном хранении до общего решения. Карточка допуска — отдельным вложением. Ты передаёшь обе половины ключа.

Арон снял половину с обложки. Вторую Дея принесла из своего сейфа. На подносе они совпали по излому, но Мила не соединяла их.

— Согласен, — сказал он.

— Я не принимаю твоё право выбирать за меня тогда. Не принимаю семь лет наблюдения. Не принимаю молчание после того, как опасность стала твоим оправданием, а не моей защитой.

— Понимаю.

— Нет. Ты знаешь формулировку. Понимание проверяется тем, что ты сделаешь, когда снова решишь, будто знаешь лучший выход.

Он кивнул.

— И это не прощение, — сказала Мила.

— Я не буду называть это прощением.

В его голосе не было надежды, которую ей предлагали бы обслужить. Именно поэтому на мгновение стало легче ды-

шать.

Тала вернулась к столу.

— У меня условие. Ты расскажешь всё, что знаешь о пяти прочитанных книгах. Не Миле одной. Свидетелям и тем владельцам, которых удастся найти.

Арон посмотрел на закрытую тетрадь.

— Если назвать их без подготовки, библиотека может заметить поиск.

— Тогда предложи безопасный способ. Не причину ничего не делать.

— Начать с дождевого архива. У журналов передачи были бумажные дубликаты, не связанные с каталогом. Часть хранили нелегализованные сборщики: они забирали испорченный воск после карантина.

— Где их искать? — спросила Мила.

— Соль знает.

Словно услышав своё имя, Соль появилась в дверях. На рукаве у неё белела меловая полоска от Талиных стрелок.

— Знаю что?

Мила пересказала только решение: им нужен архив дождевых долгов и люди, собиравшие клятвы без лицензии во время карантина. Соль выслушала, потом взглянула на Арона.

— Я знаю троих. Один не станет говорить при библиотекарю.

— Я больше не библиотекарь.

— Для тебя это потеря должности. Для него — привычка рук. Останешься снаружи.

Арон ответил не сразу.

— Останусь.

Договорились идти на следующий день до рассвета, когда фонарное управление меняло ночные бригады, а библиотечные ленты слабели перед погашением. Дея взяла тетрадь, ключ и карточку. Тала добавила к протоколу: «Сведения получены. Прощение не предоставлялось и условием сотрудничества не является».

— Слишком официально, — сказала Мила.

— Зато никто потом не перепутает удобное чувство с фактом.

Когда Арон вышел во двор, лента заставила его остановиться. Он прочёл прежний листок, перевернул и долго писал на обороте. Потом произнёс:

— Я ухожу, потому что разговор закончен по решению Милы. Я не остаюсь ждать другого ответа.

Он пересёк ворота и растворился в дожде.

Мила подошла к пустому месту возле третьей стрелки. Тала оставила там кусок мела.

«Что ты выбираешь теперь?» — написала Мила.

Ответа она не добавила. Сегодня ей было достаточно, что вопрос принадлежал ей.

На сливовой ленте одна за другой погасли печати. Не от силы ключа и не от тайного имени. Люди входили, называ-

ли своё дело, сверяли причину и оставляли след свидетелям. Лента всё ещё отнимала намерение, но двор возвращал ему опору быстрее, чем библиотека успевала сделать забвение единственной правдой.

К вечеру Соль принесла карту старых водостоков. Под улицей Канатчиков синим карандашом был отмечен склад, официально затопленный в год карантина Слуха.

Над отметкой чужой рукой стояли два слова: «Дождевые долги».

Глава 8. Архив дождевых долгов

До рассвета Лиор принадлежал водостокам.

Дождь тащил с крыш пепел ночных фонарей, и чёрная вода отзывалась через подошвы толчками чужих нарушенных обещаний. Соль шла впереди в серой накидке без знака «Трёх чаш». У решётки под старой красильней она дважды ударила по железу костяшкой, один раз — монетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.